АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

С. Н. НУРУШЕВ

ИДЕЙНО-ТВОРЧЕСКИЕ ИСТОКИ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦ



Издательство Академии наук Казахской ССР

Алма-Ата. 1957



ОТ АВТОРА

Предлагаемая работа представляет собой часть исследования, посвященного изучению влияния русской материальной и духовной культуры на развитие казахской устной поэзии и, в частности, казахских народных пословиц в дореволюционный период. История казахской устной поэзии за этот период изучается в плане раскрытия литературного процесса, в недрах которого сложились идейно-творческие истоки казахской письменной литературы.

В решении поставленной нами общей проблемы — проблемы изучения влияния всесторонней связи с Россией на развитие казахской устной поэзии — основную роль играют факты, изученные во второй части данной работы — «Казахские пословицы в период после присоединения Казахстана к России», а факты, изученные в первой ее части — «Казахские пословицы в период до присоединения Казахстана к России»,—предназначены для сопоставления с фактами, изложенными во второй части. Как явствует из этого сопоставления, в период после присоединения Казахстана к России изучаемые нами пословицы получили гораздо более интенсивное развитие как жанр устного народного творчества чем до этого.

Автор не претендует на исчерпывающий анализ идейно-художественных особенностей казахских пословиц и даже на постановку всех тех вопросов, которые могли бы быть поставлены в связи с изучением данного жанра, ограничиваясь выяснением ряда основных моментов истории развития казахских народных пословиц, особенно в период после присоединения Казахстана к России. Например, мы лишь кратко остановились на вопросе о художественной форме казахских пословиц и на некоторых других.

Мы учли еще и такое обстоятельство. На наш взгляд, эти вопросы таят в себе ряд спорных моментов, более подробное изучение которых могло бы оттянуть на неопределенное время опубликование имеющегося положительного материала. Поэтому мы сочли возможным данную работу предложить вниманию общественности на дос-

тигнутом уровне исследования, дающем возможность автору решать его основной замысел — показать наличие нового подъема в изучаемый период в развитии устно-поэтического творчества казахов, — подъема, приведшего к возникновению у них письменной литературы.

Опыт нашей работы в этом направлении показал, что подобный перелом в истории данного жанра трудно объяснить, не увязав анализа пословиц самым тесным образом с той исторической обстановкой, которая создала перелом в жизни казахского народа. Теоретической основой такой постановки вопроса явилось указание В. И. Ленина об изучении фольклорного наследия «под социально-политическим углом зрения»[1].

Социально-политические взгляды народа более полно выражались в процессе создания пословиц, в момент формирования их идейно-художественного содержания, чем в процессе применения в повседневном обиходе, ибо пословица, раз возникшая как образное обобщение существенных социальных явлений, в живой речи часто применялась и к таким случаям, которые не имели сколько-нибудь заметного социального значения. Исходя из этого, в своем анализе на социально-политические истоки пословиц мы обращаем большее внимание, чем на факты их бытования.

Даже выбирая характерные случаи бытования в народе той или иной пословицы, в большинстве случаев мы исходим из ее основного социально-политического назначения, что не должно умалять значения других случаев, которые не характеризуют данный афоризм с этой точки зрения и на которых мы не в достаточной мере останавливаемся. Например, пословицу «Өзіңнен зорлар шықса, көзіңнен сорлар шығар» («Если столкнешься с более сильным, то из глаз потекут горькие слезы») мы приводим в числе тех пословиц, которые отражают факты социального неравенства, оттеняя тем самым то, что она в основном отражает жизнь, полную слез и горя слабых, и подчеркивая те случаи бытования, когда она выражала гнев простого человека против своих угнетателей. Это не значит, что в своем бытовании пословица всегда имела такое социально направленное значение или не применялась теми же угнетателями. Приведем другой пример. Пословица «Айран сұрай келіп шелегіңді жасырма» («Раз пришел выпрашивать кислое молоко, не прячь кадку») несомненно отражает жизнь беднейшей части оседлого и полуоседлого населения, у которой в большинстве случаев кислое (заквашенное) молоко было основной пищей. Но раз возникшая пословица приводилась всеми к слову в переносном смысле: «раз ты имеешь определенное намерение, нечего его скрывать». Это пример, показывающий, какая разница может быть между фактами, раскрывающими социально-политическую основу возникновения, и фактами бытования многих пословиц. Отсюда вытекает следующая особенность предлагаемой работы: обусловленный характером поставленной в ней задачи повышенный интерес к истокам идейно-ху-

---

[1] Советская этнография, № 4, 1954, стр. 120.

дожественного содержания пословиц приводит к изучению их не только как литературного, но и как исторического источника.

Мы считаем, что всестороннее и исчерпывающее изучение истории казахских народных пословиц все еще остается одной из тех проблем, которые стоят не только перед литературоведческой, но и исторической наукой Казахстана, ибо глубокая научная разработка данных устного народного творчества и особенно пословиц, несомненно, сыграет значительную роль в изучении истории народа, бесписьменного в прошлом и не имеющего сколько-нибудь значительных архивных данных, освещающих пройденный им исторический путь.

В процессе написания предлагаемой работы перед автором возникла трудность в связи с переводом казахских пословиц на русский язык. Ряд казахских пословиц в смысловом переводе на русский язык может быть не вполне понятным для русских читателей, а некоторые из них не поддаются и смысловому пословичному переводу. Смысл таких пословиц пришлось раскрывать в специальных комментариях, написанных к переводам соответствующих пословиц. Эти комментарии даны в виде приложения к основному тексту.[1] В комментариях мы попытались вкратце дать истолкование и указать на наиболее характерные случаи бытования данной пословицы в составе той категории казахских пословиц, к которой мы ее относим. Это не значит, что бытование всех комментированных нами пословиц исчерпывается только этим случаем и что они не применяются с другими оттенками при других обстоятельствах.

Наши выводы о решающей роли земледелия, торговли и оседлого образа жизни вообще в развитии пословиц, вошедших прочно в быт народа, иллюстрированы некоторым дополнительным материалом из казахских загадок.

В результате почти полного отсутствия работ исследовательского характера по истории казахских пословиц и даже более или менее полных публикаций их текстов, мы не имели возможности воспользоваться опытом, накопленным в данной отрасли казахской фольклористики. Настоящая работа является первой попыткой в этом направлении, и автор будет благодарен тем читателям, которые выскажут ему свои замечания и советы по дальнейшему улучшению книги.

Автор выражает свою глубокую признательность члену-корреспонденту Академии наук СССР К. Э. Бертельсу, доктору исторических наук В. И. Чичерову, члену-корреспонденту Академии наук Казахской ССР Н. С. Смирновой и кандидату филологических наук В. К. Соколовой за их ценные советы и замечания, сделанные ими в процессе подготовки предлагаемой работы.

---

[1] Пословицы, которые комментируются в приложении, отмечены звездочкой.

ГЛАВА I

КАЗАХСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В ПЕРИОД ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ

Основная жанровая сущность пословиц прекрасно определена в высказывании В. И. Ленина о крылатых словах: «Бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений»[1]. А. М. Горький писал, что он много учился на пословицах, и определял пословицы как «мышление афоризмами»[2].

А. М. Горький раскрывает и процесс возникновения пословиц. Подчеркивая решающее значение знания, извлеченного народом из его трудового опыта, которое выливается в форму пословиц и поговорок, Горький писал: «... все это закреплялось в форму кратких изречений, которые имели силу законов, заветов, правил»[3]. В другом месте он замечает: «Вообще пословицы и поговорки образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа...»[4]

Казахский народ в своих пословицах отражал и закреплял тот жизненный опыт, который извлекался им из его трудовой и социальной практики на протяжении столетий.

Веками накопленный опыт представлен в пословицах во всем своем богатстве и разнообразии.

Пословицы являются одним из тех жанров устного творчества, которые широко охватили все стороны жизни казахского народа. История народа, его борьба за лучшую жизнь, противоречия в его миропонимании, обусловленные разными обстоятельствами жизни в различные исторические эпохи, оставили заметные следы в народных пословицах.

В результате тех изменений, которые происходили в условиях материальной жизни и в соответствии с ними—духовной жизни ка-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 261.

[2] Горький об искусстве. Составитель Е. Э. Лейтнеккер. Изд-во «Искусство», М.—Л., 1940, стр. 204.

[3] Архив А. М. Горького. Т. III. М., 1951, стр. 235.

[4] Там же.

захского общества, постепенно изменялся и состав пословиц; на нем отражалась история народного быта; на него влияло развитие классовой борьбы в казахской степи. Свой отпечаток накладывали на него и наиболее значительные исторические события.

В пословицах нашли отклик в свое время, например, джунгарские нашествия, которые принесли много бедствий казахам. Отражением многократных джунгарских нашествий можно считать те пословицы, в которых выражается недружелюбное отношение к джунгарам, называемым в пословицах «калмыками». После джунгарских нашествий казахи стали называть «калмыками» не только джунгаров, но и другие, враждебные им племена и народности. В быту народа слово «калмык» стало бранным словом. В осуждающем, отрицательном смысле оно получило употребление и в некоторых казахских пословицах.

В качестве примера можно привести следующую пословицу: «Сен қалмақтың қарғысына ұшыраған шығарсын: «Өзің білме, білгеннің тілін алма» («Наверное на тебя напало калмыцкое проклятие: «Сам не знай и не следуй советам знающего»). Такие казахские пословицы уже устарели и не заслуживают специального анализа, как народные пословицы. Многие из них уже забыты.

Оставило на пословицах свои отрицательные следы принятие казахами мусульманской веры. Однако внешне религиозное облачение многих таких пословиц не может скрыть от нас народную сущность их идейного содержания.

Несмотря на колониальный гнет царизма, разносторонние и глубокие изменения вызвал в развитии казахских народных пословиц (так же как и казахского устно-поэтического творчества вообще) период, последовавший после присоединения Казахстана к России. Эти изменения тем более обращают на себя внимание, что они свежи и происходили в исторический период, непосредственно предшествовавший Октябрьской революции, и наиболее полно сохранились в содержании изучаемого нами пословичного репертуара. Кроме того, такие изменения в составе казахских пословиц продолжают углубляться в советское время, получая качественно новое содержание, соответствующее духу социалистического сознания.

Была и остается благотворной, в частности, для развития казахских народных пословиц разносторонняя связь казахского народа с другими народами, особенно узбекским и татарским. Генетические связи казахских пословиц с пословицами тюркоязычных народов могут составить предмет специального исследования.

Тесная связь содержания пословиц с изменяющимися условиями жизни превращает этот жанр как бы в свидетеля истории. Однако из-за отсутствия записей трудно установить конкретные идейно-художественные черты пословичного репертуара ранних исторических периодов, например, дофеодального и раннефеодального в отдельности.

Все же можно с достаточным основанием предполагать, что известное развитие пословичного творчества имело место и в те периоды. Об этом мы можем судить на основе определенных закономерностей, действующих в истории рассматриваемого жанра.

Характерной чертой данного жанра является его бытование в народе при постоянной и органической связи с живой человеческой речью. Вне этой связи с обиходной речью пословицы бессильны производить сколько-нибудь заметный эффект. Этого нельзя сказать в отношении других видов устного народного творчества. Все они сохраняют относительную самостоятельность в отношении общехудожественной и языковой формы. Сказки рассказываются, песни поются, загадки загадываются самостоятельно.

Связь пословиц с языком в их бытовании, зависимость их от речевой практики отражаются и в их форме. Некоторые из пословиц мало чем отличаются от обычной фразовой конструкции. Например, пословичная сущность угадывается только по общему смыслу в следующих пословицах: «Түйе бойына сеніп жылдан құр қалыпты» («Надеясь на свой рост, верблюд не попал в число животных, обозначивших своим именем названия годов») (см. стр. 37); «Не ексең, соны орарсың» («Что посеешь, то и пожнешь»); «Төрт аяқты ат та сүрінеді» («Конь и о четырех ногах, да спотыкается»).

Многие казахские пословицы почти ничем не отличаются от обычной находчиво сказанной фразы и по своему содержанию. В этом отношении примером могут служить: «Сөйлеген кісі ақымақ болса, тыңдаған кісі ақылды болсын» («Если говорящий глуп, то слушающий пусть будет умен»); «Өнер алды—қызыл тіл» («Самое лучшее искусство — дар слова»); «Сөйлей білмес сөзді өзіне келтіреді» («Не умеющие говорить противоречат себе»); «Сөз білмесең, үндеме: көптің ішінде отырарсын» («Говорить не умеешь — молчи и среди людей не будешь замечен»); «Ақылды кісінің белгісі аз сөйлеп көп тыңдар» («Признак умного человека: мало говорить, больше слушать»); «Жаман жолдастан жақсы таяқ артық» («Хорошая палка лучше плохого спутника»); «Қонақ аз отырып, көп сынайды» («Гость мало сидит, но много примечает»).

В этих примерах очень слабо чувствуется пословичное содержание не только потому, что они почти не отличаются от обычных фраз по своему построению, но и потому, что в них бывает трудно уловить иносказание.

Немало есть таких пословиц, которые, потеряв устойчивое афористическое значение, остались бытовать в языке. Ряд кратких изречений, которые употребляются или известны нам по записям XIX века, принимались не везде за пословицы; чаще они употреблялись не как пословицы. С этой точки зрения обратим внимание на следующие устаревшие и забытые в наше время изречения, зафиксированные собирателями XIX века как казахские пословицы: «Ауылында картың болса жазған хаттай болар; үй алдында төбең бол-

са, ерлеп қойған аттай болар» («Если в ауле есть старик, то он подобен написанной [книге] [т. е. он точно знает очень многое, что жизненно необходимо для этого аула], если вблизи есть холм, то он подобен оседланной лошади»); «Бұланға ерген шешекке аунар, доңызға ерген балшыққа аунар» («Кто за лосем пойдет — будет в цветах, как за кабаном пойдет — будет в грязи»).

Первая пословица из «Сборника» Катаринского, вторая — из архива Березина. Сейчас трудно найти казаха, не только употребляющего эти пословицы, но и просто знающего о существовании их. Надо полагать, что первая пословица связывалась не только с жизнью в степи, где холм бывает полезен как возвышенная местность, откуда можно следить за местонахождением скота и т. д., она содержит и намек на грабительские нападения, при которых холм становился полезен, подобно оседланной лошади. Так же полезен был в тех условиях видевший и много узнавший за свою долгую жизнь старик. Его опытность и достоверность его знаний сравниваются с достоверностью сведений из книжных источников. «Хат» (в буквальном переводе: «письмо») означало в старое время все, что написано. Наряду с этим нельзя не усмотреть в содержании этой пословицы патриархальную идеализацию роли старика в роде как его главы.

Вторая пословица тоже древняя. Неупотребительность ее подтверждается тем, что слово «бұлан» теперь знают только единицы, даже из числа глубоких стариков.

Нельзя сказать, что эти фразы совсем вышли в казахском языке из употребления. Они могут быть употреблены и сейчас в контексте обычных сравнений или даже вне такого контекста, причем говорящий и не подозревает их пословичного происхождения.

Существует категория изречений, в которых пословичность словосочетания можно принять только условно: «Көпке жазба, көп те бірдей, тереҥ су да бірдей» («Не провинись перед массой: она, как глубокая вода, в которой может утонуть тот, кто с ней не считается»); «Қос атпен қол көбееді, қозысымен қой көбееді» («Лошади, взятые без всадника, умножают численность войск, приплод умножает число овец»); «Әдептілік ерге керек, екінші қызға керек» («Вежливость необходима мужам и затем девушкам»).

Эти пословицы, взятые нами из письменных источников XIX века, чрезвычайно близки к привычному, образному словоупотреблению. В живой речи нередко встречаются такие обороты и иносказания, которые звучат гораздо выразительнее, чем приведенные выше пословицы.

В этом отношении ярким примером может служить современное пословичное словоупотребление. В настоящее время наряду со старой пословицей «Талаптыға нұр жауар»[1] («На деятельного—дождем падают лучи света») употребляется пословичное выражение «Талап

---

[1] «Социалистік Қазақстан», 1955, 26 ноябрь.

түбі табыс»[1] («Предприимчивость всегда приводит к успехам»), которое вполне заменяет пословицу, ничуть не устаревшую и в наше время. В таком же духе переделана поговорка «Жақсыны көрмек үшін» («То, что хорошее, надо посмотреть») — «Жақсыны үйренбек үшін»[2] («То, что хорошее, надо перенять»).

Пословичное словоупотребление практикуется не только по аналогии со старыми пословицами. Следующие фразы звучат как новые пословицы: «Қой бақсаң өрісін тап»[3] («Овец пасешь — [умей] хорошее пастбище находить»); «Күтім жақсы болса, өнімі де мол»[4] («Если уход хороший, то и продукция обильная»); «Табыс тетігі еңбекте»[5] («Средство достижения успехов — труд»); «Еңбегіне қарай өнбегі»[6] («По труду и продукция»); «Жақсы әзірлік — сапалы білім кепілі»[7] («Хорошая подготовка [в учебе] гарантирует качественные знания»); «Көп сүт — күтімде»[8] («Обилие молока — в уходе»); «Сүт сыйырдың тілі мен сауыншының қолында»[9] («Молоко — у коровы на языке и у доярки в руках»).

Указанные выражения никогда не относились и не относятся к казахским пословицам, однако это обстоятельство почти недоказуемо, судя по их меткости и содержательности. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что одно из них—фраза «Молоко у коровы на языке» — существовало как пословица у некоторых народов.

Многие меткие обороты речи, однако неизвестные как пословицы, имеют образную и иносказательную силу хотя бы для данного случая. Образность и иносказательность пословицы черпают непосредственно из живой речи. Это служит еще одним доказательством того, что бытование пословицы неотделимо от языка, — оно, наоборот, слито с ним, и в этом его особенность.

Каждый народ в процессе своего исторического развития не только создавал язык, но и непрерывно совершенствовал его. Народ всегда старался отшлифовать, сделать острее это жизненно необходимое средство своего существования, которое служило орудием общения между людьми. Одной из характерных форм развития языка оказалась кристаллизация в нем наиболее выразительных, образных, притом устойчивых словосочетаний — пословиц, по своей идейно-художественной значимости выросших до уровня специального жанра народного устно-поэтического творчества. О древности возникновения этих афоризмов и его причинах Горький писал следующее: «Искусство слова родилось в глубокой древности из процессов труда людей. Причиной возникновения этого искусства служило

[1] Там же, 1955, 6 августа.
[2] Там же, 1955, 26 ноября.
[3] Там же, 1956, 3 октября.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же, 1955, 12 декабря.
[7] Там же, 7 августа.
[8] Там же, 26 ноября.
[9] Там же, 14 июля.

стремление людей к организации трудового опыта в словесных формах, которые наиболее легко, прочно закрепились в памяти — в формах двустиший, «пословиц» и «поговорок», трудовых лозунгов древности»[1].

Таким образом, процессы творческого оформления и развития пословиц, а также повседневное бытование их в народе происходили в неразрывной связи с живой практикой языка[2], элементы которого были заложены уже в глубокой древности. Безусловная древность языка предполагает и древность связи между ним и пословицами. Отсюда и полная вероятность возникновения и распространения пословиц в самые ранние периоды казахской истории. Несомненно, пословицы — один из древнейших жанров устного творчества казахов.

Казахская народность так же, как и любая другая народность, с самого начала своего образования имела свои пословицы. По книге «Диван» Махмуда Кашгарского, которая относится к памятникам XI века, мы убеждаемся, что в то время тюркоязычные племена имели довольно характерные по содержанию в смысле близости к пословицам современных тюркоязычных народов и хорошо отшлифованные по форме пословицы. В частности, мы обнаруживаем там такие казахские пословицы, как: «Құрғақ қасық ауыз жыртар» («Сухая ложка рот дерет»), «Алдырған анасының қойнын ашар» («Потерявший—ищет в пазухе свой матери»).

Некоторые тюркоязычные племена позднее вошли в состав казахской народности. Нет никаких оснований сомневаться в том, что казахская народность при образовании из этих же племенных союзов и народностей унаследовала определенное число пословиц, и для роста ее культуры стало исторически закономерно накопление богатства пословиц.

Таковы те предпосылки, которые дают возможность определить в главных чертах генезис казахских пословиц.

Казахский народ в своих пословицах, так же как и в других видах устного творчества, отразил материальные условия жизни в соответствующие исторические периоды, отразил исторические события, совпадающие с переломными моментами в жизни народа. Эти события казахской действительности в пословицах отдаленной от нас эпохи — дофеодальной и раннефеодальной — в свое время не были зафиксированы. Поэтому такие пословицы или не дошли до нас, или дошли в измененном виде.

Трудно теперь установить, каков был конкретный состав пословичного репертуара казахской народности в отдаленные времена и какие конкретные изменения происходили в тематическом составе и в идейно-художественном содержании старинных пословиц. Но известно, что некогда имели место явления и исторические события, которые не могли не получить своего отражения в пословицах. Па-

[1] А. М. Горький. Об искусстве. «Наши достижения», 1935, № 5—6, стр. 3.
[2] Это ни в коей мере не умаляет значения пословиц как жанра устной поэзии.

триархально-родовой быт, веками господствовавший среди казахов, постепенное его разложение и образование феодальных отношений, шаманизм и принятие мусульманской веры, народный протест против существовавших форм эксплуатации и политического гнета, уровень самосознания народа и его культуры, нормы морали, обычное право, обычаи и т. д.— все это, несомненно, оказывало сильнейшее влияние на пословицы. При анализе мы должны исходить из взаимодействия всех этих факторов.

Существует возможность до известной степени проследить отражение в пословицах действительности отдаленных исторических периодов по материалам записей более позднего времени.

Самые ранние записи казахских пословиц мы находим в архивах Березина и Чокана Валиханова. Эти рукописные источники относятся к середине XIX века, и в них зафиксированы казахские пословицы, бытовавшие в народе десятилетиями и столетиями задолго до записей. В обеих рукописях насчитывается около двухсот пословиц.

Начиная с 70-х годов, казахские пословицы стали появляться в печатных органах, и в большом количестве. Сравнивая тексты вышеупомянутых рукописей с пословицами, опубликованными спустя полвека, мы приходим к выводу, что абсолютное большинство их продолжало бытовать без особых изменений, а те новые наслоения, которые образовались в пословицах как до, так и после упомянутых рукописных записей, вполне различимы. Такая медленная эволюция жанра в период довольно ускоренного развития казахского общества во второй половине XIX века дает основание полагать, что пословицы в период несравненно более медленного общественного развития, особенно до XIX века, бытовали столетиями при еще более замедленных темпах своей эволюции как в содержании, так и в форме. Следы такой длительной эволюции можно проследить, стало быть, не только на пословицах, содержащихся в рукописях середины XIX века, но и на тех, которые публиковались позднее.

Для целей данного обзора вполне пригодны тексты, опубликованные в конце XIX века В. В. Катаринским, хотя определенные преимущества сохраняют за собой пословицы из архивов Березина и Валиханова.

В своем «Сборнике киргизских пословиц», выпущенном в 1899 г., В. В. Катаринский собрал свыше полутора тысяч казахских пословиц. Сборник в основном охватывает пословицы, которые были опубликованы во второй половине XIX века рядом авторов.

Отдельные пословицы, не вызывающие никаких сомнений в смысле бытования в дореволюционный период, привлекаются нами и из других источников.

Прежде всего, в казахских пословицах заметны некоторые следы общественных отношений, характерных для рабовладельческого строя. Историческая наука Казахстана считает, что казахи не знали на своем историческом пути рабовладельческого строя в полном смысле этого слова. Однако известно, что домашнее рабство среди

казахов имело место даже в XIX веке. Поэтому надо считать совершенно естественным бытование среди казахов таких пословиц, как например: «Аталы ұл—қожалы құл» («Сын перед отцом, как раб перед господином»); «Жібекті асырай алмасаң жүн болады; қызды асырай алмасаң күң болады» («Если не беречь шелк — станет шерстью, если не беречь [не воспитывать] девушку — станет рабыней [т. е. неразвитой, неумелой]»).

Эти пословицы, впрочем, не отразили каких-либо конкретных черт рабовладельческого строя у казахов; слово «раб» может применяться и в традиционном смысле как отголосок прошлого, как архаическое свидетельство того, что казахов так или иначе коснулся рабовладельческий образ жизни и наложил отпечаток на их сознание.

Само появление рабовладельческих пословиц у казахов во всяком случае свидетельствует о факте развития казахских пословиц в далеком прошлом. Дальнейшая эволюция в их содержании наглядно показывает процесс развития пословиц не только в период патриархально-феодальных отношений, но и в период проникновения в казахскую степь элементов капитализма. Эти пословицы имеют долгую историю — период, когда давало о себе знать рабовладельчество, период сложения феодальных отношений, период проникновения в Казахстан товарно-денежных отношений. И бытуют они как пережиточные в период социалистического строительства.

По имеющимся записям видно, что в дореволюционное время у казахов бытовали многочисленные пословицы, отражающие народное понимание родовых отношений. «Өзіңе өтірік айтпа, жатқа шыныңды айтпа» («Своим не лги, чужим правду не говори); «Түбі бірге түтпейді» («Те, которые от одного предка, [т. е. родственники] не оставляют в обиде друг друга»)*; «Атасы басқамен аң аулама, атар да жанына байлар» («С человеком из чужого рода на охоту не ходи: он застрелит зверя и себе его возьмет»)*.

Образные выражения: «өзіңе» («своим»), «жатқа» («чужим»), «түбі бірге» («те, которые от одного предка»), «атасы басқа» («человек из чужого рода») — широко обобщают сложные переплетения родовых связей. Образность этих выражений обусловливается не только этой обобщающей функцией, но и художественным применением их в контексте, которое не передается в наших смысловых переводах. Например, более точный, но менее понятный для читателя перевод слова «өзіңе» — «себе» (самому себе, а не «своим», т. е. твои родственники — это ты сам). Такое иносказательное и сокращенное употребление выражения «своим родственникам» или «своим» придает этому слову художественную выразительность; с другой стороны, — смысловой оттенок выражения «лгать своим» — это значит лгать самому себе, — до предела усиливает значение родственной связи, являющейся основной идеей пословицы. Основная идея пословицы еще больше подчеркивается тем, что всей совокупности вышеизложенного идейно-художественного значения слова «өзіңе» («своим»), т. е. первой половине пословицы, противопоставляется ее вторая половина, образовавшаяся в результате почти тако-

го же образного применения в контексте слова «жатқа» («чужим»).

В иносказательном и сокращенном виде, понятном в определенном контексте, применено и выражение «түбі бірге» (его перевод — «те, которые от одного предка» — передает лишь общий смысл контекста), составляющее идейно-художественную основу всей пословицы.

Слова «атасы басқа» («человек из чужого рода») в контексте играют важную роль. Ими обусловлено и то, что на первый взгляд кажется основным в этой пословице. Это упоминание об охоте. Фактически упоминание охоты в данной пословице связано скорее с ее художественным построением, чем с идейным содержанием. Идейное содержание ее вовсе не в том, чтобы порицать охоту с человеком из чужого рода, а в том, чтобы призвать к осторожности в своих отношениях с ним в любом деле. Это основное в содержании пословицы сосредоточено в выражении «атасы басқа», последующие слова являются созвучными слову «атасы», вернее, его первому звуку «а»: «аң», «аулама», «атар да». На звукописи построена вся форма пословицы, и она соответствует ее содержанию.

В результате такого своеобразного процесса словоупотребления постепенно выкристаллизовались сложные художественные образы — пословицы, выражающие сложившиеся веками взгляды на сущность родовых отношений.

Они отражают ограниченность народного сознания в условиях патриархально-родового быта.

К пониманию родовых отношений относятся и следующие пословицы: «Рулының оғы қалса жоғалмас, жалғыздың жағы қалса табылмас» («У того, кто имеет род, забытая стрела не пропадет, а у одинокого — забытый лук и тот пропадет»)*; «Көсеуің ұзын болса, қолың күймес; ағайының көп болса, адам тимес» («Если кочерга длинная, не обожжешь руки; если много родственников, люди не обидят»). Здесь прямо указывается на жизненно необходимое значение рода и т. д.

Последняя пословица раскрывает перед нами целую картину одной из феодальных форм социального гнета, прикрываемых родовыми обычаями и характерных для казахского общества, особенно в период ведения натурального хозяйства. Естественно, что господство патриархально-родового быта сильно сказывалось на формах и даже характере феодальной эксплуатации среди казахов в том смысле, что родовой быт максимально осложнял, обострял угнетение народных масс в условиях патриархально-феодальных отношений.

Одним из характерных примеров в этом отношении является так называемый институт «кірме» («пришельцев»). Пришельцем в роде считался тот, кто не имеет отношения к данному роду, но живет вместе с ним. Он и оказывался здесь одиноким. Феодальная идеология, используя родовые пережитки в сознании народных масс, старалась противопоставить род единицам, натравить на отдельных «безродных» людей весь род. Такая форма угнетения иногда доходила до крайних пределов издевательства над беззащитным «при-

шельцем», особенно, когда он был беден и не мог поэтому постоять за себя, а сочувствующие ему из числа членов рода не могли оказать ему поддержки.

Народное возмущение, народный протест против такой социальной практики запечатлен в образах казахского народного творчества, в том числе—и устно-поэтического творчества. Идея протеста против униженного и бесправного положения одинокого (или меньшинства) в роде своими корнями уходит в далекое прошлое казахского народного устно-поэтического творчества. Она выражается устами главных героев народных эпических поэм «Ер Тарғын» и «Қамбар батыр». Классическим произведением, содержащим протест против угнетения одинокого, меньшинства, является песня акына-бунтаря XIX века Жаяу-Мусы: «Шорманның Мұстафасы атымды алып..».

Угнетение одинокого под прикрытием пережитков родового сознания все больше и больше переходило в открытую форму насилия и сливалось с социальным угнетением слабых вообще.

Приведенная выше пословица-образ не единственная на данную тему. К ней тесно примыкают, например, такие пословицы: «Жалғыздың үні шықпас» («Одинокий—безгласен»); «Жалғыздың жарыққұдай» («Одинокого — бог спасет») и др.

Из всего сказанного нетрудно видеть, какую мучительную жизнь обобщает разбираемая нами образ-пословица.

Патриархально-родовой быт продолжал существовать среди казахов до самой Октябрьской социалистической революции, что благоприятствовало бытованию пословиц, связанных с ним. Многие пословицы еще незадолго до революции использовались родовой знатью и вообще паразитической верхушкой общества для оправдания угнетения и эксплуатации трудящихся масс.

Однако пословицы хранят следы и той социальной борьбы, которая велась внутри рода. Они говорят о том, что социальное неравенство членов рода постоянно давало себя знать и подтачивало основу родового быта. Достаточно взять следующие пословицы: «Ағайын бар болсаң көре алмайды, жоқ болсаң асырай алмайды» («Если ты хорошо живешь, то родственников зависть берет, а если плохо, то они тебя кормить не станут»); «Ағайын алыс жүрсе кісінесер, жақын жүрсе тістесер» («Если родственники живут в разных местах, то приветливы, а если живут вместе, то в раздоре»); «Ер егіз, еңбекте жалғыз («Мужей двое, а в труде один») и т. д.

В первой пословице слова «зависть берет» имеют переносное значение, охватывающее не только проявление зависти, но и—серьезной вражды. Пословица является образным обобщением постоянно возникавших между родственниками многочисленных и разнообразных по своей форме раздоров, предотвратить которые уже бессильны были родоначальники, аксакалы и родовые бии, действовавшие по правилам, выраженным другой пословицей: «Бас жарылса бөрік ішінде, қол сынса жең ішінде» («Если голова разбита, то спрячь в шапке, если рука сломана, то спрячь в рукаве»), т. е. жертвуй всем и терпи все ради единства рода. Между тем, первая пословица, как

мы видели, наоборот, возбуждала чувства, разрушающие единство рода. При этом она прямо указывает на экономическую основу раздоров внутри рода.

Ту же идею дает и вторая из приведенных выше пословиц, уточнив ее в том отношении, что чувства родственности действительно дают о себе знать в тех случаях, когда родственники не имеют повседневной житейской связи, т. е. живут, далеко друг от друга, а когда возникают условия, приводящие в столкновение их повседневные экономические или другие интересы, то последние вытесняют чувства родственности.

В третьей пословице слово «егіз» («двое») употребляется в том смысле, что у человека есть или бывают близкие, но они не будут трудиться за него — каждый живет своим трудом. Такая мораль противоречит патриархально-родовой морали, выраженной в следующей пословице: «Ағайынның малы ортақ» («У родственников имущество общее»).

Дальнейшее ослабление родовых связей среди казахов запечатлено в пословице: «Ауру—астан, дау—қарындастан» («Болезнь—от пищи, тяжба — от родственников»). Здесь уже речь идет не только о внутриродовом разладе, а о более серьезном споре—тяжбе. Необходимо обратить внимание на следующую глубокую мысль, заключенную в этой пословице. Между ее двумя частями, кроме внешней связи (рифмовки окончаний слов «астан» и «тастан»), есть еще замечательная смысловая связь. Содержание первой части пословицы: «Болезнь наживешь от самого необходимого для тебя — от пищи»— подготавливает, усиливает содержание ее второй части: «тяжбу наживешь от самых близких тебе людей». Таким образом, пословица всем своим содержанием подчеркивает эту мысль.

В пословицах особенно ясно отразился момент разложения родового начала под влиянием новых условий жизни. Особенно с проникновением капиталистических отношений патриархально-родовые обычаи в казахской степи начали разлагаться, авторитет рода и родоначальника, а также главы семьи ослабел; в народе стала получать признание личность независимо от рода.

Наряду с пословицами, исходящими из родовых и родственных начал при определении достоинств личности, появляются и другие пословицы: «Өзі болған жігіттің, ата-тегін сұрама» («Кто сам возвысился, у того не спрашивай, кем были его родители и предки»). Трудно считать случайным появление такой пословицы, которая ставит личность над родом и даже над предками, говорит о человеке, который «сам возвысился», т. е. вышел в люди. Его достоинства противопоставляются патриархально-родовым традициям и тем самым член рода совершенно отрывается от тех патриархально-родовых институтов и обычаев, которые сковывали инициативу отдельных личностей и развитие общества; в известной мере открывался путь для дальнейшего прогресса.

Приведенным пословицам не всеми и не всегда придавалось такое подчеркнуто социальное значение, и они приводились иногда

по более, иногда по менее значительным случаям, однако идейно-художественное содержание этих пословиц несомненно обусловлено описываемой социальной практикой.

Переходим к характеристике пословичного репертуара феодального периода.

Ко времени Октябрьской социалистической революции в казахском ауле сохранялись в основном патриархально-феодальные отношения. Потому-то в дореволюционных записях весьма богато представлены пословицы, типичные для казахского пословичного репертуара периода феодализма.

Изучая казахские народные пословицы, бытовавшие в период феодализма, мы видим, что казахский народ в своих пословицах талантливо закрепил и обобщил свои наблюдения над жизнью природы и общества.

Основа такой замечательной творческой деятельности казахского народа, так же как и других народов, лежит в самой жизни. По определению Маркса, общество ставит перед собой только такие задачи, которые назрели в жизни и которые осуществимы.

Эти задачи в разных исторических условиях по-разному ставятся и в различной степени разрешаются. Однако никогда сам процесс этот не прекращается. Устное творчество является одним из средств осуществления целей, поставленных перед собой обществом, что и объясняет неиссякаемость его источников, непрерывность его прогресса.

Исключительная по своей разносторонности общественная роль пословиц приводила ко все большему применению и шлифованию их. В них стало концентрироваться красноречие, усиливая, подчеркивая в живой речи убедительность, логичность, искренность, взволнованность, шутливость и т. д.

Пословицы служили не только одной из наиболее распространенных форм выражения народной радости и печали, мудрости и жизненного опыта, но и являлись своеобразным кодексом моральных норм, к пословицам часто прибегали как к веским аргументам при спорах, тяжбах и т. д.

В пословицах сохранялось, развивалось и казахское культурное наследие.

Народное устно-поэтическое творчество отражало в себе не только прошлое, но и думы о будущем казахского народа: его чаяния, его стремления к лучшей жизни, к знанию.

Разнообразные формы устного творчества народ максимально использовал как средства борьбы за улучшение своей жизни. На основе своего векового опыта казахский народ, также как и другие народы, старался своим чутьем нащупать те законы, по которым происходит развитие природы и общества. Он старался основы понятых им инстинктивно закономерностей закрепить в своем устном творчестве, сделать их средством борьбы за лучшую жизнь, за будущее, за прогресс.

Стремления народа всегда осуществлялись в борьбе с враждеб-

ными ему силами. Народной тенденции в устном творчестве всегда противостояли идейные влияния эксплуататорских слоев населения, вносивших в устное творчество реакционные мотивы.

Некоторые из таких антинародных мотивов могли иногда получить распространение в народе благодаря невысокому уровню его самосознания, обусловленному историческими причинами.

Қазахский народ, в своем громадном большинстве представлявший трудящуюся массу, в своих пословицах утверждает трудовую основу жизни. «Еңбек етсең емерсің» («Если потрудишься, то и жить будешь хорошо»); «Еңбектің түбі рахат» («Труд впоследствии приведет к благу»); «Бейнетсіз тапқан дәулеттің рахаты жоқ» («Богатство, приобретенное без труда, не приведет к удовольствию»); «Қолы ойнағанның аузы ойнайды» («У кого руки играют, у того и рот играет, [т. е. кто работает, тот и ест]); «Малды тапқан бақсын, отынды шапқан жақсын» («Скот должен иметь тот, кто его заработал; дрова должен жечь тот, кто их нарубил»).

Народные пословицы подчеркивают и необходимость преодоления препятствий в ходе трудовой деятельности. «Ер зарықпай олжа таппас» («Не добьется молодец добычи, пока не переживет трудностей»).

Пословицы учат последовательности, настойчивости в труде: «Істі істесең асылын ойлап істе» («Берись за дело, лишь подумавши о результатах»); «Ісіңді аяқтамасаң, еңбегің еш болар» («Если дело не доведешь до конца, то труд твой будет напрасен»).

Пословица: «Баланы жұмсағанның білінбес, тайды мінгенің білінбес» («Незаметно, как много заставляешь детей работать; незаметно, как часто ездишь на годовалом жеребенке») — отражает практику применения детского труда.

В связи с кочевым образом жизни населения взгляды казахского народа на собственную трудовую деятельность чаще всего отражены в пословицах, связанных со скотоводческой практикой. Пословицы, связанные со скотоводством, шире и глубже характеризуют трудовую жизнь казахов, задавая тон во всей группе пословиц о трудовом народном быте и определяя основу их национального колорита. Приведем ряд примеров, включая и такие пословицы, которые непосредственно не связаны со скотоводческим трудом, но связаны с теми условиями, без которых скотоводческое хозяйство невозможно.

Пословицы: «Жер — анасы, мал — баласы» («Земля — мать, а скот—дети»); «Ай айдың оты басқа» («В каждый месяц—свои травы для скота»); «Жері байдың елі бай» («Где земля богата, там и народ богат»)—определяют самую основу животноводства.

Скотоводческие пословицы хорошо отразили нужду, тяжелую трудовую жизнь народных масс, социальную несправедливость: «Таяқ тайға жеткізеді, тай атқа жеткізеді, ат мұратқа жеткізеді» («С палкой в руках [т. е. трудясь] добудешь годовалую лошадку, лошадка станет лошадью, а с лошадью придет счастье»)*; «Жабағы тай деп қорлама, жазға шықса ат болар» («Не пренебрегай жеребенком—на лето будет лошадь»)*, «Тамыр тартқан тарықпас» («Кто

доит, тот не терпит нужды»)*; «Таңдағы піскен құйрықтан әзіргі шикі өкпе артық» («Сырое легкое, которое можно получить сейчас, лучше завтрашнего сваренного курдючного сала»)*; «Жақсы атқа бір қамшы, жаман атқа мың қамшы» («Хорошую лошадь приходится один раз ударить, а плохую — тысячу раз»)*; «Ат қадірін білмесең жаяулық берсін жазаңды, ас қадірін білмесең ашаршылық берсін жазаңды» («Если не будешь ценить свою лошадь, то пострадаешь [оставшись] пешим; если не будешь дорожить пищей, то будешь наказан голодом»).

Многочисленные пословицы свидетельствуют об условиях скотоводческого хозяйства: «Мың күн асырағаныңды бір күн ұрындырған өлтіреді» («Скот, за которым ухаживали в течение тысячи дней, сдохнет от плохого ухода в течение одного дня»); «Атты қамшымен айдама, жеммен айда» («Не кнутом гони лошадь, а кормом»); «Атты қамшымен айдасаң жаяу қаларсың» («Погонишь лошадь кнутом — пойдешь пешком»); «Азықты ат, арымас» («Лошадь, имеющая корм, не исхудает»).

Образцы моралистических пословиц, отражающих скотоводческую практику: «Қойды жел ұшырса, ешкіні аспанда көр» («Если барана приподнимет ветер, то козу увидишь в небе»)*; «Мал кедейлігінен ақыл кедейлігі жаман» («Бедность умственная хуже бедности по скоту»); «Ат баспаймын деген жерін үш басар, ер көрмеймін деген жерін үш көрер» («Лошадь три раза ступит на землю, на которую она не думала ступать, а молодец три раза увидит землю, которую никогда не думал видеть»)*; «Қойшы көп болса, қой арам өлер» («Где много пастухов, там овцы погаными мрут»)*; «Аттыға еремін деп тайлының таңы жыртылады» («Скачущий за конным на лошадке-однолетке надорвется»); «Астауына қарай қауғасы» («По корыту и бадья»)*; «Арық атқа қамшы ауыр, жыртық үйге тамшы ауыр» («Тощей лошади и плеть [т. е. легкая кладь] тяжела, убогой кибитке и капли тяжелы»)*; «Түйедей бой бергенше, түймедей ой бер» («Лучше иметь ума величиной с пуговичку, чем иметь рост величиной с верблюда»)* и т. п.

В пословицах, связанных с занятием скотоводством, отражены также и отдельные поверья. Например: «Құтты қонақ келсе қой егіз табар, құтсыз қонақ келсе қойға қасқыр шабар» («Счастливый гость приедет—овца двойню принесет, несчастливый гость приедет—волк на стадо нападет»). В этой примете обобщены повседневные заботы животновода о благополучии своего хозяйства. Для него праздник, когда овца двойню приносит, и горе, когда волк на стадо нападет. Эти близкие ему чувства, а также традиционный национальный обычай — гостеприимство, стали для него символами, образами, обобщающими более широкий круг понятий о добре и зле, т. е. стали применяться в переносном смысле. Данная пословица приводилась и в том случае, если при госте украли у хозяина зерно или даже умер человек и т. д.

На содержание пословиц наложили свой определенный отпечаток и занятия казахов охотой и рыболовством: «Қаршыға қазан тол-

тырар, ит алғыры ат өлтірер» («Ястреб котел наполняет, хорошая [борзая] собака лошадей загоняет до смерти»)*; «Балық жеген тоқ болар, дәрмені жоқ болар» («Кто рыбу ест, тот сыт, но сил у него мало бывает»)*; «Бүркіт қартайса тышқан аулар» («Когда беркут состарится, он ловит мышей»)*; «Балық басынан сасиды» («Рыба с головы гниет»).

В пословицах как в прямом, так и переносном смысле упоминаются предметы, используемые в домашнем обиходе: «Шам жарығы түбіне түспес» («Лампа не светит под собою»)*; «Қару алсаң балта ал, азық алсаң малта ал» («Если брать с собой оружие — бери топор; если брать запас съестного — бери малту»)*; «Қазаншының еркі бар қайдан құлақ шығарса» («Котельщик где хочет, там и приделывает ушки [ручки] к котлу»)*; «Ат-атаның сай болса, қашсаң жаудан кетерсің, кетпен-шотың сай болса, қазсаң суға жетерсің» («Если лошади и верблюды твои наготове, то ты укочуешь от врага; если шот [мотыга] и кетмени твои наготове, то дороешься до воды»); «Шоттың басын бассаң, сабы өзіңе тиер» («Если наступишь на шот [мотыгу], рукоятка ударит по тебе»); «Сапты аяққа ас құйып, сабынан қарауыл қарама» («Налив [кому-нибудь] пищу в чашку с ручкой, не карауль с ручки [т. е., доверив дело другому, сам не вмешивайся]») и др.

Пословицы мало дают материала, связанного с предметами и продуктами ремесленного производства. По этой части в используемых нами источниках обнаружены следующие пословицы: «Қатты болсаң шойындай болма, темірдей бол; жұмсақ болсаң жөкедей болма, ағаштай бол» («Если будешь твердым, то будь не как чугун, а как железо; если будешь мягким, то будь не как мочало, а как дерево»); «Ұста балтаға [не пышаққа] жарымас» («Кузнец без топора [или без ножа]»); «Ұялмаған өлеңші болар, ерінбеген етікші болар» («Кто не стесняется, тот [считает себя] певцом, а кто не ленится, будет сапожником)*; «Сүңгінің жарасы бітер, сөздің жарасы бітпес» («Рана от копья заживет, рана от слова не заживет»); «Кересен алдыңда, кездік қолыңда» («Блюдо с мясом [для раздачи] перед тобою, нож в твоих руках»)*; «Жөке қайыс болмас қанша созып майлаумен, сағыз қарын тойдырмас дамыл алмай шайнаумен» («Мочало никогда не будет ремнем, сколько бы его ни расправляли и ни смазывали жиром; сера не насытит желудок, хотя бы и беспрестанно жевали ее»); «Ел қыдырған сыншы, тоғай қыдырған үйші» («Кто по аулам часто ходит [или ездит], тот станет человеком, хорошо понимающим поведение других, кто по лесам часто ходит, тот станет мастером по изготовлению деревянной части юрты»); «Тез қасында қыйсық ағаш жатпас» («Возле теза»[1] не будет лежать кривая жердь»); «Зер қадірін зергер білер» («Позумент ценит мастер золотых дел»); «Айрылар дос ердің артқы қасын сұрайды»

---

[1] Тез — инструмент, станок для выпрямления кривых жердей. Тез среди кочевников получил массовое применение у мастеров по изготовлению деревянной части юрты.

(«Приятель, который хочет с тобой порвать, будет просить заднюю луку твоего седла»)*. Есть пословицы, в которых упоминаются кетмень, котел, удила, ложка и т. д.

В соответствии с исторической действительностью, как показывают приведенные примеры, народные пословицы, отражающие производственно-трудовую деятельность казахов, в своей подавляющей части отражают занятия животноводством. Условия жизни, связанные с кочевым скотоводством, широко освещались в пословицах — и прямо, и иносказательно.

Казахские пословицы не обошли и охоты, рыболовства, в них в той или иной связи упоминаются предметы и продукты некоторых ремесел, вещи домашнего обихода и т. п.

Не случайно, что в казахских пословицах, относящихся к патриархально-феодальному периоду, не встречается ни одного примера, затрагивающего, например, тему добычи нефти или тему пчеловодства. Мысль, выраженная в русской пословице: «Ложка дегтю испортит бочку меду», у казахов передается с помощью понятий, связанных со скотоводческим хозяйством: «Бір құмалақ бір қарын майды шірітеді» («Шарик овечьего помета испортит целый карын[1] масла»).

Можно предположить, что в пословицах рассматриваемого периода содержались отдельные элементы, характерные для земледельческих пословиц. Однако нет данных, подтверждающих бытование земледельческих пословиц в период до присоединения Казахстана к России. По данному вопросу можно высказать только некоторые гипотезы, которые изложены нами во второй части настоящей работы.

Пословицы, так же как и другие жанры устного народного творчества, запечатлели некоторые моменты стихийного народного протеста против феодальной эксплуатации и угнетения. Протестом против эксплуататоров звучат пословицы: «Тастаған шоқпар сорлының маңдайына тиер» («Подброшенная дубина падает на голову бедняка»); «Біреу тойып секіреді, біреу тоңып секіреді» («Одни прыгают от сытости, другие — от холода»); «Қанағатсыз байлардан жалбаңдаған жарлы артық» («Приветливый бедняк лучше ненасытных богачей»).

Дубиной расправлялись со слабыми сильные. Пословица абстрагировала подобные факты в отвлеченной формулировке: всякая дубина, брошенная вверх, падая вниз, неизбежно обрушивается на бедняка, а не на богатого. В этой пословице под дубиной в иносказательном смысле понимаются все беды, все виды произвола, от которых страдали бедные (точнее: «сорлы», т. е. «несчастные») люди. Зачастую пословица применялась для выражения совершенно открытого протеста против притеснения.

Процесс формирования второй пословицы характеризует ее как

---

[1] Карын — вообще означает по-казахски «желудок». Здесь имеется в виду изготовленный в виде мешка для хранения масла овечий или козий желудок.

произведение истинного искусства. Она создана при помощи следующих сложных обобщений. Во-первых, словами «тойып» («от сытости») и «тоңып» («от холода») определяются два совершенно различных душевных состояния человека, которые, однако, побуждают его производить одинаковые физические движения—прыгать. При этом акцентируется противоположность причин, ведущих к одинаковым следствиям, их социальная основа. Прямой смысл пословицы таков: одни мечутся от хорошей жизни, тогда как другие вынуждены метаться от плохой. Пословица приводилась для осуждения фактов притеснения слабых сильными и поступков, вызванных неоправданно повышенным настроением.

Одним из характерных отражений социального неравенства, которое царило в казахском обществе того времени, надо считать то, что основой идейно-художественного содержания ряда отличных казахских пословиц явилась жизнь тех, кто жил впроголодь.

На редкость талантливым образцом художественных образов-пословиц на эту тему является пословица: «Аш кісінің ашуы жаман» («Гнев голодного страшен»). Социальная направленность пословицы заключается не только в том, что она отражает жизнь беднейших слоев населения, но и в том, что в ее содержании отражено состояние не вообще голодного человека, а тех голодных людей, которые пострадали от кого-то, вследствие допущенной несправедливости. Это обнаруживается в переносном значении пословицы, которое заключается в том, что с состоянием голодного сравнивается состояние того, кто выведен из терпения, и пословица применялась в смысле: «Гнев доведенного до отчаяния страшен».

К категории изречений, подчеркивающих социальное расслоение в казахском обществе, относятся и следующие пословицы: «Жарлының сөзі жалған, жалғыздың сөзі жалған» («Слова бедного—неправдивые, слова одинокого—неправдивые [т. е. нет веры словам бедного и одинокого»]); «Той —тондынікі, ас—аттынікі» («Торжественные угощения для тех, у кого нарядный костюм; на поминках бывают те, у кого много лошадей»).

Первая пословица иронически высмеивает произвол сильных, для которых не существует правды, если она высказана простым человеком. Подтекстом этой пословицы является: «слова бедных и одиноких оказываются неправдивыми, им не верят т. к. бедные и одинокие находятся на самой низкой ступени общественной лестницы, они лишены права иметь свое мнение или высказывать его».

Пословица приводилась в живой речи для осуждения тех случаев, когда правое дело бедного или одинокого (вообще угнетенного) оказывалось в проигрыше. При этом было необязательно, чтобы он действительно высказывался и его словам не верили. Тут еще имелось в виду вообще низкое общественное положение бедного или одинокого, приводившее к тому, что он оказывался пострадавшим. Таким образом, недоверие к словам бедняка и одинокого является условно взятым художественным образом, символизирующим бесправное положение угнетенных вообще.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что положение одинокого приравнивается к положению бедного, что свидетельствует о том, что имеется в виду угнетение в условиях господства родового быта, когда положение одинокого в роде получило отражение в поэзии (см. стр. 14).

Вторая из приведенных пословиц не просто говорит о тех, кто бывает на торжественных угощениях и на поминках, а обобщает через эти понятия все виды увеселений и утверждает, что им могут предаваться лишь состоятельные люди (именно в смысле богатства вообще употребляются понятия: «нарядный костюм» и «много лошадей»).

Народ осуждает произвол ханов: «Хан—қазық, қарашы—азық» («Хан — кол, а подданные — его жертва»); «Хан қасында қарашың болса, қара жерден кемең жүрер» («Если в числе приближенных хана будет свой человек, то и по суше побежит корабль твой»); «Ханды құдай алайын десе, қарашысымен қас болар, байды құдай алайын десе, дәулетіне мас болар» («Когда бог прогневается[1] на хана, то последний вступает во вражду с подданными; а когда бог прогневается на богатого, то у последнего кружится голова от своего богатства»)*; «Ханның басын хан жұтар, қардың басын қар жұтар» («Хан поглощается ханом, снег поглощается снегом»)*.

Наиболее яркую характеристику деспотизма, всевластия и произвола ханов дает вторая пословица.

Народ осуждает действия биев: «Елінде екі жебір биің болса, елің тыныштық таппас, қораңда жақсы итің болса қойыңа қасқыр шаппас» («Если у твоего народа будут два бия-взяточника, то народ твой не будет спокоен, если в овчарне твоей будет хорошая собака, волк не нападет на твоих овец»); «Жаман төре жан алар» («Плох тот судья, который для решения дела назначает присягу»); «Төре бермек зор істі, төрені білмей берсең, соңғы жағы ұрысты» («Справедливый суд — великое дело; если рассудишь неправильно, то произойдет ссора [т. е. будет допущена несправедливость]»).

Последняя пословица выражает горький опыт народа, среди которого царило недовольство решениями биев.

Народ разоблачает сущность патриархально-феодальных форм эксплуатации: сауын, ат майын, қонағасы, кедей туысына «жәрдем» беру (отдача на временное пользование дойного скота, рабочего скота, угощение, «помощь» бедному родственнику и т. д.), прикрывавшихся родственной связью: «Жан қарындас болса да, мал қарындас емес» («Есть родня по крови, но нет родни по имуществу»); «Кісі аты тершең, кісі киімі кіршең» («Чужая лошадь потлива, чужая одежда марка»); «Өзінде жоқ болса, әкең де жат» («Если сам не имеешь состояния, то для тебя и отец чужой»); «Ата-анадан

---

[1] «Бог прогневается» — в данном случае дословный перевод казахских слов «құдай алайын десе», которые являются одной из традиционных формул проклятия, потерявших религиозный оттенок. Употреблены в смысле: «когда не везет», «когда постигает несчастье».

мал тәтті, алтындай үйден тәтті» («Богатство слаще отца и матери, душа слаще позолоченного дома»). Первая из этих пословиц очень метко характеризует отношение богатого человека к бедному родственнику.

Под «чужой лошадью» и «чужой одеждой» во второй пословице подразумеваются лошадь и одежда, взятые во временное пользование. При этом оба понятия имеют обобщающее значение. Данная пословица употребляется во всех случаях, когда речь идет об использовании чего-либо чужого, уступаемого в порядке «любезности» собственником этого чужого. Однако не радость использования, не признание любезности, а горечь зависимости породила пословицу.

То же выражение социального неравенства и классовых противоречий мы ясно видим в следующих пословицах: «Байғұстың аузы асқа тисе, мұрны қанайды» («Когда обездоленный человек поднесет [наконец] пищу ко рту, у него [внезапно] кровь из носа хлынет»)*; «Бай барын бермес, жоқ қарап тұрмас» («Богатый не отдаст того, что у него есть, а бедный поможет чем может»); «Барлық не дегізбейді, жоқтық не жегізбейді» («От богатства чего только не говорят, от бедности чего только не едят»); «Тоқал ешкі мүйіз сұраймын деп құлағынан айрылыпты» («Коза безрогая, пытаясь выпросить себе рога, осталась без ушей»); «Есектің күші адал, еті арам» («Силу ишака [использовать можно], а мясо — нет [оно нечистое]»).

В этих и во многих других пословицах не всегда можно заметить выражение классовых противоречий. Это происходит потому, что идейно-художественное содержание пословиц, так же как и других произведений устной поэзии, в своем полном объеме обнаруживается при их практическом применении, исполнении. Случаи применения одних и тех же пословиц чрезвычайно разнообразны: начиная с безобидных простых шуток и кончая гневным обличением, резким социальным протестом. Без учета тех условий, при которых пословица применялась и может применяться, невозможно составить себе полную картину ее бытования.

Возьмем, например, из числа приведенных пословицу о козе безрогой. Содержание ее восходит к сказке о том, что в то время, когда все животные наделялись необходимыми для них органами, козу обделили, она не получила рогов. Коза пошла жаловаться на такую несправедливость, но это кончилось тем, что у нее еще отняли уши, т. е. обидели вдвойне. Эта пословица приводилась во всех случаях, когда человека, пытающегося отвести один удар судьбы, в результате этих попыток постигает другой. Но она приобретала резко выраженную социальную окраску в тех случаях, когда применялась для осуждения произвола сильных над слабыми.

Или возьмем пословицу об ишаке. Казахи, так же как и другие народы, пользуясь рабочей силой ишака, в то же время не употребляют в пищу его мяса. Эта традиция воплотилась в пословице, которая применялась для осуждения человека, который не отвечал добром на добро, поступая неблагодарно. Фактически такие случаи

в основном происходили на основе социального неравенства. На подобную неблагодарность жаловались не сильные, а слабые.

Таких пословиц, обнаруживающих в процессе употребления в своем содержании моменты классовых противоречий, встречается очень много.

Многие пословицы осуждают паразитический образ жизни и лицемерие мулл: «Молданың істегенін істеме, айтқанын істе» («Не делай того, что делает мулла, а делай то, что он велит делать»)*; «Екі молда бір кісі, бір молда жарты кісі» («Два муллы — один человек, один мулла — полчеловека»)* и т. д.

Наряду с этим пословицы отразили также и религиозные обычаи народа: «Оразаға көшкен ермек» («Пост незаметен во время кочевки»).

Неразвитые условия классовой борьбы порождали у народа различные социальные иллюзии. Осуждая, например, жестокого хана, народ допускал возможность существования справедливого хана. Осуждая произвол баев, народные массы не отрицали возможности существования доброго бая: «Қайрымсыз болса ханнан без; өткелсіз болса судан без; асусыз болса таудан без; пайдасыз болса байдан без; панасыз болса сайдан без» («Избегай немилостивого хана, реки без брода, горы без удобного подъема, богача недоброго, оврага, не спасающего от плохой погоды»).

Однако народ высоко ценит чувство собственного достоинства простого человека, его моральное превосходство над миром богатых: «Барма ханға, өзі келер малға, барма биге өзі келер үйге» («Не ходи к хану — он сам придет за скотом; не ходи к судье — он сам придет в твой дом»); «Ханның ісі қарашыға да түседі» («И хану приходится обращаться с просьбой к своему подданному»); «Малы жоқ деп ерден түңілме, шөбі жоқ деп жерден түңілме» («Не бросай человека по бедности его, не бросай земли за то, что на ней нет травы»).

Следующая тема, получившая в этот период широкое отражение в пословицах, — это отношение народных масс к действовавшим морально-правовым и семейно-бытовым нормам. Разбор идейно-художественных особенностей соответствующих казахских пословиц обнаруживает такую же борьбу двух тенденций — народной и антинародной, — какую мы видели в области трудовых пословиц.

Народные взгляды на трудовую основу существования общества и повседневный трудовой образ жизни самого народа являются тем основным фактором, который в конечном счете определяет отношение народа к морально-правовым и семейно-бытовым нормам, т. к. многовековая трудовая практика народа не только породила общие взгляды на труд как основу жизни, но также выработала определённые взгляды на условия труда и вообще на все явления жизни, связанные в той или иной степени с повседневной трудовой деятельностью. Народ утверждает в своем быту, в первую очередь, трудо-

вую мораль. Народные массы знают, в частности, цену труду в семейном быту.

Для сохранения своего существования, для улучшения условий своей материальной и духовной жизни казахская семья вынуждена была много и тяжело трудиться. Это нашло соответствующее отражение и в пословицах, которые получили характер общепринятых моральных, правовых и других норм.

Кроме специальных пословиц о труде, известны многочисленные пословицы на трудовую тему, связанные с моральным кодексом народных масс. Сюда относятся, например: «Кісі бергені кісіге ырыс болмас» («Даровое богатство впрок не пойдет»); «Жас келсе іске, кәрі келсе асқа» («Если молодой человек подойдет, он должен в работе помогать, если пожилой человек подойдет, он должен угощение получать»); «Түстік өмірің болса күндік мал жый» («Если тебе осталось жить полдня, то средства к жизни запасай на целый день»); «Бітер істің басына, жақсы келер қасына» («К делу, которое должно хорошо кончиться, поспевает хороший человек»); «Кісіден тілегеннің бүйірі шықпас» («Кто просит у людей, тот никогда не будет жить хорошей жизнью»); «Жарлылығын жасырған байымас» («Кто скрывает свою бедность, тот не будет богат»); «Жарлының байлығы — денінің саулығы» («Богатство бедняка — его здоровье»).

Здесь необходимо оттенить следующую особенность казахских пословиц. Во многих пословицах, охватывающих почти все стороны жизни народных масс, нашли свое выражение предрассудки и религиозные воззрения народа.

Однако при рассмотрении данного вопроса следует особое внимание обратить на то, что в казахских пословицах сильно укрепилось традиционное, почти машинальное употребление пережиточных и религиозных понятий. Это легче всего показать на тех пословицах, которые отражают отношение народных масс к трудовому образу жизни.

Приведем следующие четыре пословицы: «Талапты ерге нұр жауар» («На деятельного—дождем падает благодать»); «Жүрген аяққа жөргем ілінер» («Труд хлопотливого даром не пропадет»); «Ерінбеген мұратқа жеткен» («Трудолюбивый достигает своей цели»); «Бекерден тәңірім безер» («От бездельника сам бог отворачивается»).

Некоторую религиозную окраску понятий можно уловить уже в первых трех пословицах, а четвертая пословица прямо говорит: «...бог отворачивается». Однако нетрудно заметить под этой внешне религиозной оболочкой приведенных пословиц глубоко народное содержание их. И здесь, по существу, речь идет о труде—основе жизни. Кажущаяся религиозность даже в свое время не имела почти никакой силы с точки зрения передачи ведущей идеи пословицы.

Встречаются и такие пословицы, где выражены воззрения действительно отсталые, религиозные. В этих случаях, однако, не всякая пословица может быть отнесена к реакционным. Народный взгляд на жизнь, на труд, на мораль иногда можно найти и в них.

Для того, чтобы отличить прогрессивное от реакционного в таких пословицах, следует руководствоваться положением Маркса о том, что «если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»[1].

С трудовой практикой народа органически связано его социально-политическое мышление, получившее отражение и в пословицах. О роли пословиц и поговорок в изучении социально-политического мышления народа Горький писал следующее: «Обязательно, необходимо знать историю народа и также необходимо знать его социально-политическое мышление. Ученые, — историки культуры, этнографы, — указывают, что это мышление выражается в сказках, легендах, пословицах и поговорках. Именно пословицы и поговорки выражают мышление народной массы в полноте особенно поучительной...»[2].

На основе веками накопленного социально-исторического опыта в пословицах получила отражение прежде всего роль самого народа как творца истории. Это подчеркивается многочисленными казахскими пословицами: «Халық айтса қалп айтпас» («Народная молва всегда сбывается»); «Көпті жамандаған көмусіз қалар» («Кто хулит народ, тот останется без погребения»); «Көп әулие, көл-дария» («Народ свят [т. е. все знает], [его знания] — озеро-море»)*; «Көп тілегі — көл деген» («Желание народа — озеро»)*; «Ел іші алтын бесік» («В народе—как в золотой колыбели»); «Жаяу сыбағасын атты жемес, жесе де оны жұрт мақұл демес» («Долю пешехода не съест конный, а если бы кто и съел, того народ не одобрит»); «Көп қорқытар, терең батырар» («Народ заставит, в большой глубине утонешь»)*; «Көп түкірсе көл болар» («Если народ плюнет—озеро будет»). Содержание ее примерно совпадает с содержанием русской пословицы: «С миру по нитке — голому рубаха»; «Ісің ақ болса, көпке сал, жорғаң қатты болса төске сал» («Если дело твое правое, говори о нем народу, если иноходец твой сильный, пускай его по подъему»)*.

Народ признает и роль руководителей, вожаков: «Мың қосшыға бір басшы» («Тысяче путников — один вожак»).

На основе нерушимой веры в торжество социальной справедливости народ выработал некоторого рода пословичный наказ: «Өлімнен ұят күшті» («Опозорить честь — хуже смерти»); «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» («У справедливого судьи нет родственников, а если они есть, то нет у него веры [т. е. совести]»)*. «Таста тамыр жоқ, төреде бауыр жоқ» («Камень без корней, судья [да будет] без родственников»)*; «Байлықтың не керегі, қайырымы болмаса, биліктің не керегі әділдігі болмаса» («К чему богатство, если оно не добродетельно, к чему бийство, если нет спра-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

[2] Горький об искусстве. Составитель Е. Э. Лейтнеккер. М.—Л., 1940, стр. 203.

ведливости»); «Таудай бәле көрсең де ақырын ойламай іс қылма» («Хотя и с гору будет беда, но не подумавши о последствиях, к делу не приступай»); «Қолыңмен істегенді мойныңмен көтер» («Отвечай за то, что сам совершил») и др.

В своих моралистических пословицах народ осуждает безделье, леность и праздность: «Ақмаққа күнде той» («Глупому каждый день пир»); «Жігіттің ерінгені көрімнің көрінгені» («Леность [для молодого человека есть несчастье») и т. д.

Народные пословицы осуждают как антиобщественные явления воровство, жадность, скупость, зависть: «Ұры байымас, сұқ семірмес» («Вор никогда не будет богатым, жадный никогда не станет жирным»); «Ұрлықтың түбі—қорлық» («Воровство в конечном счете приведет к беде»); «Көп жеймін деген аз жер» («Кто хочет много съесть, съест немного»); «Ұялмаған бұйырмаған астан ішер» («Нескромный съест и то, что ему не положено»); «Берместің асы піспес, қазаны оттан түспес» («Кто не хочет угощать, у того пища долго варится, котел с огня не снимается»); «Сараңның көзі тоймас» («У скупого глаза ненасытные»); «Қанағат қарын тойғызар, қанағатсыздық жарлының жалғыз атын сойғызар» («Будь умеренным — будешь сытым, а неумеренность [в еде] заставляет бедняка резать единственную лошадь») (т. е. соблюдай меру, иначе поплатишься); «Кісінің түймедей мінін көргенше, өзіңнің түйедей мініңді көр» («Чем замечать маленький недостаток у постороннего, — замечай свой большой недостаток»).

Вера народа в правду, в честность, принимаемую за норму жизни, видна из тех пословиц, которые разоблачают антиобщественную сущность лжи и бесчестия. «Өтірік деген дұшпан бар, отқа сүйреп салады» («Есть один враг — это ложь: она толкает в огонь»); «Өтірік сөз жанға қас, өтпес пышақ қынға қас» («Лживое слово вредит душе, тупой нож вредит ножнам»); «Арамзаның құйрығы бір-ақ тұтам» («Злоумышленник не уйдет от разоблачения»); «Өтірікшінің өмірі қысқа» («Жизнь лжеца коротка»); «Өтірікшінің шын сөзі зая кетер» («И правдивое слово лжеца воспринимается как ложь»); «Алдау зұлымдық, алдану ақмақтық» («Обманывать подло, а дать себя обмануть глупо»); «Өтірік екеу, шын төртеу» («Лжецов два — правдивых четыре») (т. е. правда ложь побеждает); «Өтірікші — құдай дұшпаны» («Лжец — враг божий»).

В последней пословице мораль и религия как бы переплетаются.

Народный суд вынес в пословицах свой приговор над такими людскими пороками, как кичливость, самовлюбленность, самонадеянность, бахвальство, трусость и т. п. «Өзін өзі мақтаған—өлімнің қара басы» («Хвалить себя — смерти подобно»); «Білем деген — бүлем деген» («Сказать: все сам знаю — все равно, что сказать: погибаю»).

В противовес этому народ одобряет другие качества: скромность, товарищество, смелость, предусмотрительность: «Көз қорқақ, қол батыр» («Глаза трусливые, руки смелые»); «Ойшы ой ойлағанша, тәуекел ісін бітірер» («Пока колеблющийся думу думает, смелый

дело свое сделает»); «Екеу болсаң бірге ойлас, біреу болсаң бөркіңе ойлас» («Если вас двое, то посоветуйтесь вдвоем, а если ты один, то посоветуйся со своей шапкой»)*; «Бірлік болмай, тірлік болмас» («Если нет единства, нет и жизни»); «Сақтықта қорлық жоқ» («Осторожность никогда не повредит»); «Сабыр түбі сары алтын, сарғайған жетер мұратқа, сабырсыз қалар ұятқа» («Терпенье — золото, терпеливый достигает своей цели, а нетерпеливый осрамится»); «Сабырлы шыдар, сабырсыз жанар» («Терпеливый стерпит, а нетерпеливый сгорит»); «Жемісті ағаштың басы төмен» («У дерева с плодами верхушка книзу клонится»)*; «Бетегеден биік, жусаннан аласа бол» («Будь выше перистого ковыля и ниже полыни»)*.

Анализируя моралистические пословицы, мы до сих пор останавливались на тех из них, которые отражали народное отношение к конкретным вопросам человеческого поведения в обществе. Однако в народе бытовали пословицы, мораль которых выступала в более общей форме, в более широком смысле. Для характеристики этой категории пословиц полезно учесть следующее.

Изучение казахских пословиц, отражающих патриархально-феодальный образ жизни, показывает, что идейное содержание значительного количества пословиц связано со стержневыми понятиями «дурной человек» и «хороший человек»: «Жақсымен жолдас болсаң, жетерсің мұратқа, жаманмен жолдас болсаң, қаларсың ұятқа» («Если подружишься с хорошим человеком, достигнешь своей цели; если подружишься с дурным человеком — осрамишься»); «Жаман қонақтан жарты аяқ ас қайтады» («От дурного гостя остается полчашки пищи»)*; «Жақсы келсе—құт, жаман келсе—жұт» («Если хороший человек придет — [принесет] благополучие; если дурной человек придет — [принесет] бедствие») и т. д.

Одобрительная формула — «хороший человек» и осуждающая — «дурной человек» представляют собой обобщающие понятия для целой совокупности моральных норм, охватывающих жизнь и семейную, и общественную. Когда говорят: «хороший человек» и «дурной человек», имеется в виду «хороший» или «дурной» поступок человека, «хороший» или «дурной» характер, «хорошее» или «дурное» дело, «дурное» или «хорошее» отношение к товарищу и т. д. Скажем, не выпить или не скушать всего, чем угощают — нехорошо; гость приехал, и в тот же день пал скот — это, как гласит патриархальная примета, нехорошо; разглашение своей тайны характеризует человека с плохой стороны, и тому подобное. Все, что считалось хорошим или плохим, с точки зрения взглядов того времени, переносилось на человека вообще: возникали обобщающие образы — «хороший человек» и «дурной человек».

Формированию подобных образов и закреплению их в пословицах способствовало и такое обстоятельство: среди господствовавших классов получил хождение термин «игі-жақсылар» или просто «жақсылар» (добрые или хорошие [люди]). К этой категории людей относились представители верхушечных слоев казахского общества.

Отсюда, многое из официальной морали господствующих классов почти традиционно выражалось через эти понятия «игі-жақсылар», что сильно засоряло народную пословичную лексику чуждыми для нее элементами. Слова «жақсы» и «жаман» превратились в традиционные понятия, применяемые, как видно из старых записей казахских пословиц, даже там, где теперь это показалось бы неуместным. Например, в архиве Березина мы обнаруживаем пословицу: «Жаманның көрсеткенінен—жақсының айтқаны анық» (Если хороший человек скажет — это будет яснее, чем дурной человек покажет»); она содержит в себе смысл, идущий больше от традиционного употребления слов «жаман» и «жақсы», чем от морали народной.

Аристократический, антинародный смысл слов «жаман» и «жақсы» в пословицах ярко виден в следующих примерах: «Жақсының өзі кетсе, сөзі қалар, жаманның өзі өлсе, несі қалар» («Если хороший человек умрет, то остаются его слова, а если дурной[1] умрет, что от него останется?»); «Жақсы орынға өкпелер, жаман тамаққа өкпелер» («Приличный человек обидится из-за места, дурной — из-за пищи»); «Өзім болып келдім деп тасып кетпе, жақсылардың алдынан кесіп өтпе» («Не гордись счастьем, не пересекай дорогу хорошим людям»).

Первая пословица отражает господствовавшее положение казахской аристократии в области идеологии. Духовное оружие, получившее в то время массовое применение в решении общественных дел,— искусство слова — очень часто использовалось представителями аристократии.

Народное происхождение устной поэзии и массовое бытование ее среди народа игнорировались господствующей идеологией. Отсюда создалось неправильное представление о том, что искусство слова — пословицы и поговорки, афоризмы — якобы создавалось представителями казахской аристократии и передавалось из поколения в поколение как их наследство.

Такое понимание истоков народного творчества оказалось настолько живучим, что даже в советский период некоторыми научными работниками писались «труды», например, на тему: «Афоризмы биев». Бии, особенно те из них, которые «оставили» афоризмы, никак не могли отражать интересы народа. Они использовали произведения народного творчества в своих интересах и зачастую извращали их. Вот эту практику представителей казахской аристократии отражало содержание разбираемой пословицы.

Содержание второй пословицы отражает патриархально-феодальную мораль: «Приличный человек обидится из-за места, дурной — из-за пищи», т. е. приличному человеку обидно тогда, когда он не займет среди сидящих подобающее своему положению или возрасту место; на то, что меньше достанется ему пищи, он не обращает внимания, а дурной человек поступает как раз наоборот. Та-

---

[1] Слова «хороший» и «дурной» в данном случае употребляются вместо слов «знатный» и «простой» человек.

кая оценка поведения человека восходит к тем феодально-религиозным взглядам, которые выше всего ставили патриархально-феодальный гонор, противопоставляя этому «низменное» удовлетворение потребностей человека в еде и пр.

То, что в первой и второй пословицах выражается в форме назидания, в третьей формулируется в форме наказа: «Не пересекай дорогу хорошим людям», т. е. патриархально-феодальной знати.

Этого рода пословицы почти целиком исключены из последнего сборника казахских пословиц, изданного Институтом языка и литературы Академии наук КазССР в 1950 году; одни из них справедливо признаны антинародными, но при оценке других не учитывалось то, что в тех условиях отношение к ним складывалось, разумеется, различное. Они бытовали широко и в разных социальных слоях осмысливались по-разному. В самом понимании, толковании, применении пословиц сплошь и рядом сталкивались две идеологии — народная и антинародная. Наряду с серьезным влиянием антинародной идеологии следует подчеркнуть и борьбу в народе против этого влияния. В результате, под «дурным» и «хорошим» люди в классовом обществе разумели не одно и то же.

Во многих случаях народ употреблял слова «жаман» и «жақсы» в традиционном, формальном смысле, но подразумевал под ними неодобрительную или одобрительную оценку с точки зрения своей народной морали. В пословицах—«Жақсы іске келеді, жаман асқа келеді» («Хороший поспевает к делу, дурной — к еде»); «Жаманның іске саны жоқ, талқанның асқа саны жоқ» «(Плохой человек не идет к делу, талкан[1] не идет в пищу»)—выражено народное трудовое сознание. Пословицей—«Жаман кісі күн жаумай су болады» («Дурной человек без дождя намокнет» (т. е. при малейшей трудности спасует)—народ осуждал бесхарактерность, бездеятельность, слабосилие и призывал к инициативности, смелости и т. д. Отражали народное сознание и следующие пословицы: «Жақсыға жаттық жоқ, жаманға жақындық жоқ» («Хороший человек не чуждается и чужого человека, а дурной не умеет общаться и с близкими»); «Жақсыдан қашпа, жаманға баспа» («Хорошего не избегай, с дурным не имей дела»); «Жаманға сөзің өтпес, шабанға қамшың батпас» («На дурного слова́ не оказывают действия, ленивый конь не чувствует ударов»); «Жақсы болсаң жердей бол, баршаларды көтерген, таза болсаң судай бол, бәрін жуып кетірген» («Если ты хорош [благороден], то будь как земля, поддерживающая всех; если ты чист, то будь как вода все очищающая»)*.

Следует, однако, отметить, что пословицы, построенные на мотиве «жаман адам» и «жақсы адам», составляют наиболее архаическую часть наследства казахских пословиц, что объясняется антинародной сущностью их происхождения.

На примере стержневых слов «жақсы» и «жаман» в этих пословицах можно проследить историю возникновения, развития и отми-

[1] Талкан — крупа, приготовленная домашним способом.

рания целой категории казахских пословиц, характерных для патриархально-феодального времени.

Несколько иная практика пословичного выражения морали в более общих ее формах связана с понятием «ер», различно по смысловому значению толкуемым (герой, молодец, муж и т. д.). Условия жизни во времена межродовых войн и феодальных междоусобиц породили в народе глубокое уважение к тем, кто мужественно защищал на полях сражений свой народ, кто проявлял геройство и патриотизм. Жизненная заинтересованность народа в подъеме патриотических чувств связана была в тех условиях с заботами о безопасности рода, племени и всего общества. Народ прославлял своих героев, высоко ценил героизм вообще как положительное качество человека не только в войну, но и в мирное время. Быть героем, быть смелым, мужественным — значило удовлетворять самым высоким критериям, отвечающим интересам народных масс.

Пословицы, содержащие понятие «ер», также составляют значительную группу. Некоторые из них характеризуют героя войны: «Ерді намыс өлтіреді, қоянды қамыс өлтіреді» («Герой умрет за свою честь, а заяц умрет от [страха, испугавшись шелеста] камыша»)*; «Ер мақтанса бір оқтық, бай мақтанса бір жұттық» («Как бы богатырь ни хвастался, он стòит [т. е. может погибнуть от] одной пули, как бы богач не хвастался, он стòит, чтобы его постиг голодный год»).

Ореолом геройства окружали иной раз и мальчика-новорожденного: «Ер ұл тап, еркеленіп жат» («Имей сына героя и блаженствуй»).

Героизм, мужество переносятся и в другие области жизни: «Жомарт бергенін айтпас, ер айтқанынан қайтпас» («Щедрый не будет напоминать о том, что он дал, а мужественный человек от сказанного не отступит»)*; «Ұрыншақ атта жал жоқ, көңілшек ерде мал жоқ» («У горячей лошади нет жирового слоя под гривой, у добродушного молодца нет скота»)*; «Жомарт ер жоқтығын білмейді, жүйрік ат тоқтығын білмейді» («Щедрый молодец не замечает своей бедности, быстроходному коню не помешает сытость»); «Ер мойнында қыл жіп шірімес» («За молодцем долг не пропадет»)*; «Ер жігіттің ұялғаны өлгені» («Для молодца застенчивость смерти подобна»).

Пословицам этого типа свойственны были также и отдельные моменты религиозного происхождения. Особенно заметны они, например, в следующей пословице: «Асты көрсең қадыр тұт, ерді көрсең қыдыр тұт» («Уважай пищу и уважай героя как святого»).

Понятие «ер», применяемое при изображении ратных подвигов, перекликается с понятием «батыр» (богатырь).

Народ закрепил в своих пословицах как моральную норму истинный героизм, поставленный на службу массам народным и направленный на общенародное благо.

Имеющиеся в этих пословицах религиозные привески не уменьшают значения пословиц о героизме. Они должны быть поняты с

точки зрения общих для всего народного творчества условий развития в этот период.

Героизм как основной мотив целой категории пословиц в дальнейшем не ослабевал, а усиливался, достигнув в наше советское время высшего своего выражения. Теперь речь идет уже не только о героизме в защите Родины, но и о героизме в социалистическом труде.

Следует специально остановиться на моралистических и бытовых пословицах, дающих картину родственных и семейных отношений среди казахов в условиях патриархально-феодальной жизни. Тут характерны, прежде всего, высказывания о положении казахской женщины. Унизительное положение женщины веками культивировалось в основном в среде эксплуататорских слоев населения. Однако патриархальный быт обусловил такого рода отношение к женщине и среди народных масс, что и составляло реальную основу для бытования пословиц, отражающих тяжелое и унизительное положение казахской женщины.

В интересах духовенства было сохранение феодально-патриархальной морали и религии. Муллы своими проповедями сеяли недоверие к женщине, в частности, к замужней, приписывая ей всевозможные пороки, за которые она достойна проклятия и на «том», и на этом свете.

Интересы тех, кто господствовал над народными массами и веками угнетал женщину, а также отсталые взгляды, распространенные среди самих народных масс, породили, например, пословицу: «Әйелдің шашы ұзын, ақылы қысқа» («У женщины волосы длинные, а ум короткий»).

Угнетение женщин составляло часть социального угнетения сильными слабых. Оно в то же время отчасти отравляло и сознание народных масс. Например, институт аменгерства, закрепленный в пословице «Аға өлсе жеңге мұра» («Если умрет старший брат, то его жена по наследству передается одному из его братьев или родственников»), привился в быту широких слоев казахского населения.

Закабаленность, забитость, в результате которых в народе создавались условия для бытования многих устаревших ныне пословиц, не могли, однако, воспрепятствовать тому, чтобы верх взяла подлинно народная мудрость. Народные изречения не могли пребывать в рамках исключительного влияния извне. Нравы и взгляды эксплуататорских классов отражали то преходящее, что свойственно исторической обреченности самих этих классов, а взгляды масс обеспечивали дальнейшее развитие подлинно здоровых тенденций в казахском народе. Пословица «Теңін тапсаң тегін бер» («Если найдешь равного, выдай даром дочь свою») не только выражает чаяния веками угнетенной казахской женщины, но и направлена своим острием против «калыма», против традиций, узаконивших неравенство женщины. Народ осуждал многоженство: «Күндестің күлі күндес» («У соперниц по мужу и зола соперничает»). Замечательное художественное воплощение нашло здесь осуждение многоженства.

Оно звучит как приговор, вынесенный народом над этим патриархально-феодальным обычаем. Сила образа, обобщающего одно из самых типичных явлений, присущих казахскому обществу, заставляет человека представить в своем воображении одушевленной и борющейся такую незаметную вещь, как зола. Она символизирует как бы все те страдания и невзгоды, какие претерпевают женщины, став соперницами, ненавидящими друг друга. Пословица раскрывает сущность многоженства как один из источников большого социального зла в казахском обществе.

Другая сторона семейной жизни, которая получила довольно полное отражение в пословицах, — воспитание и поведение детей. Тут зачастую зорко подмечены характерные моменты в отношениях детей к родителям, обрисовывается будущее молодого поколения; в пословицах поощряется общительность детей; пословица учитывает роль окружающей среды в воспитании детей как и роль семейного воспитания. «Атаның көңлі балада, баланың көңлі далада» («Отец думает о детях, а дети об отце не думают»); «Адам болар баланың кісіменен ісі бар, адам болмас баланың кісіменен несі бар» («Дети, которые станут со временем хорошими людьми, бывают общительными, а те, которые не станут хорошими людьми, бывают необщительными»); «Ұлың өссе ұлы жақсымен ауыл бол, қызың өссе қызы жақсымен ауыл бол» («Если у тебя сын растет, то будь соседом того, у кого сын себя хорошо ведет; если дочь растет, то будь соседом того, у кого дочь себя хорошо ведет»); «Ата көрген оқ жонар, ене көрген тон пішер» («Сын, получивший воспитание у отца, сумеет сделать стрелу; дочь, получившая воспитание у матери, сумеет скроить платье»)* и т. д.

В некоторые пословицы о детях перешли имевшие распространение взгляды на мужчину и женщину. «Алты ұл тапқан әйелді ханым десең болмас па, аға деген жігітті жаным десең болмас па?» («Разве нельзя назвать женщину царицей, если она родит шестерых сыновей; разве нельзя назвать юношу милым, если он почитает старших»).

Пословицы о детях отражают и социальное неравенство в обществе: «Аталы баланың аузы ойнайды, атасыз баланың көзі ойнайды» («У мальчика, имеющего отца, рот играет, а у мальчика, не имеющего отца, глаза играют»); «Қыстың көзі қырауда, қыздың көзі жылауда» («Зима—с инеем, девушка—со слезами»).

Первая пословица путем показа контраста между положением сытого и голодного ребенка облекает в художественную форму бедственное состояние детей-сирот. Пословица обобщила жизнь не только детей, не имеющих отца, но и более широкий круг необеспеченных детей. Однако положение сирот, иногда обреченных на голодное и полуголодное существование на всю жизнь, оставляло заметный отпечаток в сознании народных масс и получило яркое художественное воплощение в их творчестве при создании образов угнетенных и обездоленных.

Не менее ценным по своей социальной глубине и художествен-

ной выразительности является образное определение положения казахских девушек, данное во второй пословице. Эта пословица характеризует образ жизни не только казахской девушки, но и девочки, ибо замуж выдавались казахские девочки с 13—14 лет. Кроме того, они с детства испытывали унижения в семье. Поэтому данная пословица больше относится к положению детей, чем взрослых девушек.

Особого внимания заслуживает большая сила коллективного народного творчества, которая сделала эту пословицу высоко художественным выражением народного взгляда на положение девушки. Первая часть пословицы — «Қыстың көзі қырауда» (зима с инеем) — подготавливает, усиливает идейно-художественное содержание ее второй, основной части. Слова «зима с инеем» употреблены так, что они дают картину неблагоприятной для хозяйства, тяжелой и мрачной зимы. Смысл этой части пословицы призван еще более резко оттенить смысл второй ее части — «қыздың көзі жылауда» (девушка со слезами). Эти последние слова рисуют трагическую картину жизни казахских девушек, их тяжкой, скорбной доли. Человек, знающий тонкости патриархально-феодального уклада жизни казахов, жизнь казахских женщин, девушек, реально ощущает в этих словах всевозможные детали быта, обычаев, обрекавших девочку-подростка на беспросветную жизнь, жизнь прислуги при нелюбимом человеке. Он отчетливо услышит в этих словах горький плач девочки-ребенка, очутившейся в когтях насильника, он увидит в них картину плачущей семьи, плачущего рода. Пословица эта сегодня как бы воспроизводит картину прошлого и для людей старшего поколения, кто был еще свидетелем этих уродств патриархально-феодальной жизни казахов; при взгляде на нынешнюю жизнь советской девушки казашки это прошлое кажется страшным сном.

Невозможно не видеть в таких пословицах стремление народа обеспечить счастье своего молодого поколения, борьбу за его светлое будущее, которая ныне дала свои прекрасные плоды.

Анализ собранных материалов показывает, что значительное место в пословичном репертуаре того периода занимает тема об искусстве слова как об одной из основных областей национальной культуры. Искусство слова стало источником возникновения многочисленных и разнообразных по своему содержанию пословиц. «Өнер алды—қызыл тіл» («Лучшее из искусств — дар слова»)—гласит народная пословица, правильно отражая многогранную роль искусства слова в жизни казахов. Какое значение придавалось в общественной жизни дару слова, видно также из других пословиц: «Қылыш жарасы бітер, сөз жарасы бітпес» («Рана от сабли заживает, рана от слова не заживет»); «Абайламай сөйлеген ауырмай өледі» («Кто неосторожно [необдуманно] слово скажет, тот скоропостижно умрет»)*; «Ұшқан құстың жолы жоқ, өтірік сөздің жөні жоқ» («Птица летит без дороги, ложные слова лишены смысла [т. е. неубедительны]»); «Тыймаған ауызда бір бәле бар» («Нескромные уста приведут к беде»); «Әзіл апат келтірер» («Шутки до-

водят до беды»)*; «Шешеннің тілі ортақ, шебердің қолы ортақ» («Слова красноречивого — для всех, руки мастера — для всех»)*; «Адам уағдада тұрса сөз қадірін білгені, уағдада тұрмаса, ол адамның өлгені» («Если человек выполняет свое обещание, то, значит, он знает цену данному слову, а если не выполняет, то считай его погибшим»); «Отыз тістен шыққан сөз отыз рулы елге кетер» («Слова, вышедшие из-за тридцати зубов, доходят до тридцати родов»)*.

Пословицы об искусстве и значении слова сочетают в себе и такие понятия, как, например, «жаман», «жақсы», либо слова, связанные с традиционным гостеприимством казахского народа: «Жақсы тауып сөйлер, жаман қауып сөйлер» («Хороший человек находчив при разговоре, а дурной скажет невпопад»); «Сыйларға асың болмаса, сыйпарға тілің болсын» («Если не имеешь чем угощать, то имей слова, чтобы ласково обращаться»).

Пословицы как наиболее характерные элементы красноречия как бы вкрапливали искусство слова во все поры общественной жизни. Довольно высокий идейно-художественный уровень и многочисленность пословиц об искусстве слова — одна из исторически сложившихся национальных особенностей казахского пословичного наследства.

По искусству слова определялись личные качества человека: его талантливость, образованность, находчивость, общительность, знание установившихся традиций и т. д.

С искусством слова связывались весьма важные общественные дела. Об этом писал еще Н. А. Добролюбов: «Кстати приведенной пословицей оканчивается иногда важный спор....»[1].

В пословицах отразились народные взгляды на здоровье человека и на лечебное дело: «Дерт батпандап кіреді, мысқалдап шығады» («Болезнь входит в организм батманами, выходит из него золотниками»); «Ауру астан, дау қарындастан, таз таныстан, қотыр қамыстан» («Болезнь от пищи, тяжба от родни, плешь от знакомых, парша от камыша»); «Ішің ауырса, аузыңды тый, көзің ауырса, қолыңды тый» («Если заболит у тебя живот, то воздерживайся от еды, если заболят у тебя глаза, не пускай в ход руки [т. е. не три глаза»]).

Народ считает своим священным обычаем гостеприимство. Пословица: «Қонақсыз үйде қолқаң болмасын» («Не обращайся с просьбой к тому, у кого не бывает гостей») — порицает тех, кто идет против этого обычая. Другая пословица учит, какой прием следует оказывать гостям в зависимости от очередности их прибытия. «Бұрынғы қонақты соңғы қонақ ұрып жығады» («Второй, вновь прибывший гость привлекает несравненно больше внимания, чем тот, кто гостил до этого»).

Пословицы охватывают самые разнообразные стороны общественной жизни как и жизни природы: «Су аударған дөңбектей, жел аударған қаңбақтай» («Как глыбы, переворачиваемые водой, как

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1, 1934, стр. 493.

перекати-поле, гонимое ветром»)*; «Көрініп тұрған ауылдан көрінбеген бұлт жақын» («Невидимые облака [могут оказаться] ближе видимого аула»)*; «От пен су—тілсіз жау» («Огонь и вода — немые враги»). О родственной связи: «Күйеу жүз жылдық, құда мың жылдық» («Зять — на сто лет, а сват — на тысячу лет»)*. О подробностях быта: «Аяғы үлкен сыйғанын киер, аяғы кішкене сүйгенін киер» («У кого большие ноги, тот надевает все, что окажется впору, а у кого маленькие ноги, тот надевает все, что ему нравится»); о национальном блюде — кумысе: «Құпияңды қымыз шығарар» («Скрытую мысль обнаружит кумыс»)*; о путевой жизни: «Жол ақысы жүрмек, кісі ақысы бермек» («Вышел в путь — надо ехать, получил в долг— надо отдать») и т. д.

Многие пословицы имеют по два, а иногда и больше вариантов. Есть варианты-синонимы: «Алған бір жазықты, алдырған мың жазықты» («Кто украл — раз виноват, у кого украли — тысячу раз виноват [т. е. он может заподозрить тысячу человек]»); «Алдырған анасының қойнын ашар» («У кого украли, тот будет искать и в пазухе своей матери [т. е. готов всех заподозрить]»).

Второй пример: «Жаңылмас жақ болмас, сүрінбес тұяқ болмас» («Не бывает человека, который не ошибается, не бывает копыт [лошадей], которые не спотыкаются»); «Құл қатасыз болмас» («Ошибки бывают у всех людей»).

Существуют варианты, отличающиеся самостоятельным значением: «Жібекті сақтай білмеген жүн етеді, ерді сақтай білмеген құл етеді» («Не умеющий хранить [ценить] шелк, превращает его в шерсть, а не умеющий хранить [ценить] богатыря, делает из него раба»); «Жібекті сақтай білмеген жүн етеді, қызды сақтай білмеген күң етеді» («Если не беречь шелк — станет шерстью, если не беречь [не воспитывать] девушку — станет рабыней [т. е. неразвитой, неумелой]»).

Во многих случаях пословицы приобрели народные и антинародные варианты.

В казахских народных пословицах нельзя заметить влияния письменной литературы, ибо казахская письменная литература появилась только начиная с последней четверти XIX века.

Возникновение и развитие народных пословиц протекало в условиях тесной связи их с другими жанрами устного творчества. Особенно заметны следы взаимной связи между пословицами и сказками.

В древней казахской сказке об «истории» происхождения летоисчисления от названий 12 животных высмеивается верблюд, не сумевший, несмотря на свой высокий рост, первым увидеть восход солнца и тем самым лишившийся права назвать один из годов своим именем. С течением времени название этой сказки — «Түйе бойына сеніп жылдан құр қалыпты» («Надеясь на свой рост, верблюд не попал в число животных, обозначивших своим именем названия годов») — становится пословицей.

Содержание пословицы «Алтау ала болса ауыздағы кетеді, төр-

теу түгел болса төбедегіні алады» («Если шестеро в раздоре — они лишатся и того, что во рту, а если четверо в согласии — они получат и то, что недосягаемо») точно совпадает с содержанием сказки о завещании отца своим сыновьям. В сказке отец заставляет каждого из своих сыновей переломить по палке, а потом переломить все палки, взятые вместе в виде пучка. В первом случае это сыновьям удается, а во втором — нет. Отсюда и родовая мораль: жить в согласии. Родовая мораль чувствуется и в соответствующей пословице. Однако природа пословицы такова, что при изменившихся условиях она может принять иные, чем в сказке, значения. В сказке число сыновей обычно не четыре и не шесть, а больше. Различное количество лиц в сказке и пословице легко объяснимо традиционными приемами образования пословицы, о чем будет сказано ниже.

Художественные особенности пословицы, во-первых, глубоко связаны с идейно-смысловым значением ее и, во-вторых, с художественными приемами словоупотребления в ней—с ритмом, рифмовкой, звукописью, двучленностью, сравнением, иносказанием и т. д. Как правило, идейно-смысловое содержание и приемы художественного построения пословицы выступают в соответствии с законом единства формы и содержания, и содержание в этом единстве приобретает решающую роль.

Народная пословица образна, художественно насыщена, прежде всего, благодаря тому, что выражает только типичное, т. е. глубоко обобщенное на почве постигнутых народным сознанием закономерностей жизни.

Эта ее основная художественная особенность дополняется различными приемами художественного построения пословицы как краткого афористического словосочетания. Роль художественных приемов как таковых бывает и ничтожно мала. Тогда форма пословицы становится совершенно адэкватной ее содержанию, т. е. пословица не имеет формы, образованной при помощи каких-либо особых приемов словоупотребления; она проста как сам язык, которым она выражена, и вся сила ее — в прямом или переносном значении составляющих ее слов. В этом случае построение пословицы становится чрезвычайно близким к построению обычной нехудожественной фразы в живой речи. Например: «Кісі мен кісінің арасы жер мен көктей» («Между людьми такая же разница, как между небом и землей»); «Ер қаруы бес қару» («Муж должен иметь с собой пять предметов, [именно: нож, палку, шило, огниво и нитку]»); «Ұялған тек тұрмас» («Пристыженный не будет стоять спокойно»)*; «Таудай бәле көрсең де ақырын ойламай іс қылма» («Хотя и с гору беда на тебя свалится, но, не подумавши о последствиях, не приступай к делу»); «Құлағың естігенді көзің көрер» («Что ты слышал, то и глазами увидишь»)*; «Өз бетін аямаған кісі бетін шиедей қылар» («Кто своего лица не жалеет, тот и чужие лица превращает в вишни [т. е. заставляет краснеть]»); «Өз қадырын өзі білмеген кісі қадырын білмес» («Не умеющий ценить себя, не может ценить и дру-

тих»); «Сараңның көзі тоймас» («У скупого глаза ненасытны») и т. д.

В приведенных пословицах выражена в прямом смысле сущность некоторых часто наблюдаемых в обществе явлений. В них не всегда чувствуется острота пословичного содержания. Они могут быть применены и применяются как обычные фразы, а не как пословицы. То или иное звучание их зависит от применения в живой речи.

Иные пословицы отличаются от приведенных выше только своей иносказательностью: «Қорқақты көп қусаң батыр болады» («Если будешь долго преследовать труса, то и он становится храбрым»)*; «Екі кісі ығысса бір кісілік орын болар» («Если двое сдвинутся, то еще для одного место будет»); «Шешінген судан таймас» («Раздевшийся не боится воды»)*; «Әзілдеске түс айтпа» («Тому, кто над тобой [любит] пошутить, не рассказывай своего сна»)*; «Соқыр көргенінен жазбас» («Слепой не отступится от того, что раз увидел [узнал]»)*; «Аузы күйген үріп ішер» («Кто раз обжегся, тот подует, прежде чем пить»)* и т. д.

Двучленность, а иногда и многочленность пословицы также обусловливается ее содержанием: «Берсең аларсың, ексең орарсың» («Дашь — получишь, посеешь — пожнешь»); «Сабыр түбі сары алтын, сарғайған жетер мұратқа, асыққан қалар ұятқа» («Терпение — золото, терпеливый достигает своей цели, а нетерпеливый осрамится»). В первом случае последняя часть пословицы раскрывает содержание первой части, разъясняет его на более конкретном примере: если сам не дашь, тогда и тебе не дадут, как, если не посеешь семян, ничего расти не будет. Во втором случае (трехчленной пословицы) все части раскрывают одну и ту же мысль. При этом ни одна не лишняя, одна другую дополняет.

В обеих приведенных пословицах обусловленные содержанием двучленность и трехчленность опираются на определенный художественный прием — сравнение: результат щедрости сравнивается с урожаем от посева, терпение, выдержка сравниваются с золотом. Рифмовка: орарсың — аларсың, мұратқа — ұятқа; иносказание: если посеешь, т. е. если дашь, — пожнешь, т. е. получишь; хорошая выдержка человека — золото. Звукопись: сабыр — сары — сарғайған, берсең — ексең. Здесь ощущается также и свой ритм. Художественные приемы, встречающиеся очень часто в пословицах, применительно к отдельным конкретным случаям широко варьируются.

В художественных приемах, применяемых в пословицах, значительную роль играют веками сложившиеся традиции. Многие новые пословицы возникают по аналогии со старыми. Традиционность обусловливает некоторые отстоявшиеся формы пословичной композиции. В пословице: «Мысыққа ойын керек, тышқанға өлім керек» («Кошке нужно поиграть, мышке нужно умирать») налицо утвердительная форма — «Мышке нужно умирать». Фактически тут скрывается отрицание — «Мышка не хочет умирать». Это иносказание, всем понятное, даже вне данного контекста, могло войти в пословицу

именно на основе существующей традиции. Такой художественный прием очень часто применялся в казахских пословицах и помогал народу иносказательно, но остро критиковать общественные пороки, способствовал проникновению в пословицы бичующей сатиры. Резкость классового обличения характерна, например, для следующих пословиц: «Ақыры байдың соңы аштан өлер» («Богатый впоследствии придет к тому, что с голоду умрет»); «Бай үйінің мұржасы қыйсық болса да шүтіні түзу» («У богатого, хотя и труба кривая, дым из нее прямо выходит»).

В построении пословицы бывают традиционные формальные моменты. Например, в пословице: «Көңіл кірі айтса кетер, көйлек кірі жуса кетер» («Обида в душе проходит тогда, когда ее выскажут, а грязь рубашки—тогда, когда ее выстирают») слово «көйлек» (рубашка) введено только для созвучия и смыслового сравнения с другим словом «көңіл».

ГЛАВА II

КАЗАХСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В ПЕРИОД ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ

Жанр пословиц, возникнув в далеком прошлом, непрерывно развивался, обновлялся его состав, углублялось содержание. Так же как и другие жанры казахского устного народного творчества, казахские пословицы наиболее интенсивное развитие получили в период после присоединения Казахстана к России.

Многие из казахских пословиц, бытовавших во второй половине XIX века, — это пословицы, в значительной мере обновившие свое содержание в условиях всесторонней связи с Россией и, особенно в результате проникновения капитализма в Казахстан. Однако этот период мы берем как наиболее яркий пример нового подъема в развитии казахских пословиц, так же как и других жанров устной поэзии. Более или менее заметно начинает проявляться эта новая тенденция развития устной поэзии уже в первой половине XIX века, о чем свидетельствует творчество народного акына Махамбета Утемисова (1804—1846).

Более глубокому осмыслению закономерностей развития казахских пословиц в этот период нам помогает отношение классиков марксизма-ленинизма к пословичному наследию.

В своих трудах Маркс, Энгельс, Ленин постоянно пользовались пословицами не только как художественными средствами речи, но и как историческими источниками. Именно как исторические источники использованы В. И. Лениным некоторые пословицы и поговорки в труде «Развитие капитализма в России». У классиков марксизма мы находим и прямое указание на те условия жизни, которые обусловили идейно-художественное содержание той или иной пословицы. Маркс объясняет ростом земледельческой культуры появление русских пословиц: «Навоз и у бога крадет»; «Вози навоз, не ленись, хоть богу не молись». «Эти две русские пословицы,—писал Маркс,— выражают по-крестьянски правильно — отношение рациональной агрикультуры к религии..»[1].

[1] «Вопросы философии», 1948, № 1, стр. 82.

Отношение классиков марксизма-ленинизма к пословицам приобретает высоко принципиальное значение для изучения истории казахских пословиц в изучаемый период, создавая соответствующие предпосылки для их оценки. Максимально ясными становятся те требования, которые предъявлялись к этому жанру народного творчества тогда, когда началось проникновение капитализма в казахскую степь.

Отношение классиков марксизма-ленинизма к пословичному наследию мы можем изучить, не только исходя из высокой оценки, которую получили народные пословицы в их трудах, но и отрицательных оценок, данных ими антинародным пословицам. Последнее можно проследить на примере отрицательной оценки пословицы «Каждый за себя, один бог за всех». Она по своему содержанию соответствует казахским пословицам: «Ошақтың үш бұты аман болсын» («Лишь бы у себя в собственном очаге [гнезде] было благополучно»); «Өзімдікі дегенде өгізқара күшім бар, кісінікі дегенде андай-мұндай ісім бар» («К своему делу прилагаю такую силу, как у вола, а от чужого дела отделываюсь отговорками») и др.

Ленин возвращается к упомянутой русской пословице неоднократно и дает исчерпывающую характеристику ее с точки зрения происхождения и идейного содержания этой пословицы. Он писал: «Прежде говорили: «Каждый за себя, а бог за всех», и сколько горя из этого вышло.

Мы скажем: «Каждый за всех, а без бога мы как-нибудь обойдемся»[1]. Ленин отвергает идейно порочную пословицу, показывает те условия, которые вызвали ее к жизни и которые отмерли в ходе истории, уступив место новым, социалистическим условиям общественной жизни.

Отношение Ленина к данной пословице основано на историческом принципе, и мы также обязаны оценивать факты в развитии пословиц на основе анализа исторического развития общества, отталкиваясь от фактов специфических условий жизни казахского народа. Например, в изучении казахских пословиц большую роль играет вопрос о той эволюции, которая происходила в содержании унаследованных пословиц. Об этом свидетельствует тот факт, что целая категория унаследованных пословиц (не говоря уже о многих других пословицах, вошедших в массовое употребление), идейное содержание которых построено на мотиве «ерлік» (героизм), в наше время бытует и сохраняет свою действенность. А другая часть казахских пословиц в данное время устарела.

Так, категория казахских пословиц, построенная на мотиве «жаман» и «жақсы», совершенно вышла из употребления в наше время[2]. Большинство пословиц этой категории в дореволюционное время еще фигурировало в народном репертуаре.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 280—281.

[2] См. первую главу настоящей работы.

На примере ленинского отношения к категории устаревших пословиц мы проверяем закономерность подобной эволюции в составе казахских унаследованных пословиц. Ленин называет приведенную пословицу правилом капиталистического общества: «Еще и еще раз поднимемся возможно более широкой массой для нанесения нового удара проклятому правилу старого капиталистического общества... правилу: «каждый за себя, один бог за всех»[1].

Однако самые ранние идейные истоки этой пословицы Ленин относит к докапиталистическим отношениям: «Разрозненные мелкие производители производили каждый по нескольку операций зараз и потому были сравнительно независимы от других; если, например, кустарь сам сеял лен, сам прял и ткал,— он был почти независим от других. На таком то режиме мелких, раздробленных товаропроизводителей (и только на нем) оправдывалась поговорка: «Каждый за себя, а за всех бог...».

Совсем иначе обстоит дело при достигнутом благодаря капитализму обобществлении труда»[2].

Отсюда вытекает, что с наступлением господства капиталистических отношений данная пословица потеряла прежнюю социальную почву. Она не могла оправдывать на основе вновь сложившейся трудовой практики психологию кустаря, так как не стало в жизни, как заметной силы, ни той практики, ни того кустаря, а вместе с ними перестала существовать данная пословица в старом ее смысле.

Однако пословица эта не исчезла. Разрушив феодальную замкнутость трудового процесса, трудовую практику мелких, почти не зависимых друг от друга кустарей, капитализм не только не разрушил, а, наоборот, еще более укрепил основу этой практики—частную собственность. Поэтому пословица сохранилась. В условиях капитализма она выражала буржуазную психологию, алчность капиталистов, приняв резко антинародный характер.

В дальнейшем глубокие социальные изменения сделали эту пословицу совершенно непригодной после победы социалистической революции, когда вопрос об устно-поэтическом наследии был поставлен принципиально иначе и решался в иной плоскости. Соответственно усложнился процесс переосмысления унаследованных от предыдущей общественной формации пословиц.

Усложнение процесса переосмысления во многом связано с той борьбой, которая происходит между новым — нетрадиционным и старым — традиционным значением произведений устного творчества.

Традиционность в бытовании пословиц в народе усиливается еще и тем, что пословицы являются художественными обобщениями.

Приведенные нами высказывания классиков марксизма-ленинизма о пословицах, факты применения ими лучших народных пословиц в полемике с политическими противниками, высказывания русских революционных демократов и определения Максима Горько-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 419.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 159.

го, связанные с теми или иными вопросами данного жанра, взгляды Абая на пословицы, примеры усиления социально-политической направленности содержания пословиц, усиления их сатиричности в условиях обострения классовой борьбы, ленинский исторический подход к определению идейных истоков пословиц, к их критике ленинское положение об упорстве отживающей традиции, о затяжном характере дела «переработки трудовых навыков и нравов» о трудностях борьбы «с силой привычки», образец применения Лениным лозунга-пословицы: «Каждый за всех, без бога мы как-нибудь обойдемся»,— все это в своей совокупности характеризует те основные требования, которые предъявляются к жанру пословиц в рассматриваемый нами период.

Руководствуясь этими высказываниями и теми закономерностями, которые легли в основу развития данного жанра, обратимся к фактам развития казахских пословиц в изучаемый период.

Одним из таких наиболее характерных и наиболее серьезных по своему значению фактов является развитие пословиц, связанных с земледельческими занятиями.

На основе данных исторической науки Казахстана состояние земледелия среди казахов можно охарактеризовать следующим образом. До присоединения Казахстана к России, т. е. до начала XVIII века, основная масса казахов не занималась земледелием, и земледельческая культура не вошла в быт народа.

Развитие земледелия тормозилось сложившимися в течение веков кочевыми традициями и наличием широких возможностей для основных масс населения следовать этим традициям, а также постоянными осложнениями внутриполитической и внешнеполитической обстановки. В силу этих обстоятельств земледелие являлось только второстепенным и эпизодическим занятием с крайне примитивной техникой, существовавшим лишь в некоторых районах. Земледелием занимались главным образом бедняки. Товарное значение земледелия было ничтожным.

Наличие более высокой земледельческой культуры историческая наука Казахстана установила среди тех племен, которые обитали в южных областях нынешнего Казахстана еще до образования казахской народности и часть которых вошла в состав образовавшейся народности. Эта земледельческая культура была уничтожена монгольским нашествием и не восстанавливалась вплоть до присоединения Казахстана к России.

Изучая пословицы, связанные с земледельческой практикой, мы исходили из этих данных истории народа.

В использованных нами источниках обнаружены следующие пословицы, связанные с земледелием: «Не ексең, соны орарсың» («Что посеешь, то и пожнешь»); «Берсең—аларсың, ексең—орарсың» («Дашь—возьмешь, посеешь—пожнешь»); «Егінші жауында тынар, балықшы дауылда тынар» («Земледельцы перестают работать во время дождя, а рыбаки — во время бури»); «Орақшының жаманы орақ таңдайды» («Плохому жнецу никак серп не угодит»);

Ексең егін—ішерсің тегін, қазарсын арық—көрмессің жарық» («Ес-
ки посеешь—покушаешь свое; начнешь копать канаву—не увидишь вета [имеется в виду тяжелая работа]»); «Шегірткеден қорыққан гін екпес, барымтадан қорыққан мал жыйнамас» («Саранчи бояться — хлеба не сеять, барымты [угона скота] бояться,— скота не меть»); «Соқыр тауыққа бәрі бидай» («Слепая курица все принимает за пшеницу»); Тұқым шашпай егін тілеген, қатын алмай бала ілегенге ұқсас» («Не посеяв хлеба, ожидать урожая — то же, что е женившись, ожидать детей»); «Арпа-бидай ас екен, алтын-күміс ас екен» («Ячмень и пшеница — пища, а золото и серебро—камень т. е. не годятся в пищу]»); Бір қазанға екі бидай қуырылмас» «В одном котле не изжарить двух зерен пшеницы»); «Кімнің тарыы піссе, соның тауығы» («Становится курицей того, у кого созрело росо») и некоторые другие.

Приведенные пословицы, в основном применяемые в иносказаельной форме к другим сторонам жизни, несомненно ведут свое роисхождение из земледельческой практики, и правильно будет их меновать в дальнейшем земледельческими пословицами.

Нет никаких оснований утверждать, что все эти пословицы, связанные с земледелием, возникли еще до того, когда в результате онгольского нашествия имевшиеся очаги земледельческой культуы были уничтожены и не восстанавливались в течение нескольких толетий. Идейно-творческой основой пословиц является трудовая рактика и жизненный опыт самих создателей их. Следовательно, ословицы, связанные с земледелием, могли развиваться только огда, когда земледелие вошло в быт значительной части трудящихя, чего, по данным исторической науки, не наблюдалось как до, так после монгольского нашествия. Поэтому в период до присоединеия Казахстана к России в основном речь может идти только о половичных выражениях, сохранившихся в силу тех или иных услоий в языке казахов.

В имеющихся в нашем распоряжении самых ранних источниах,—рукописях из архивов Валиханова и Березина, относящихся началу второй половины XIX века,—встречаются следующие земедельческие пословицы: «Берсең — аларсың, ексең — орарсың» «Дашь—возмешь, посеешь—пожнешь»); «Шегірткеден қорыққан гін екпес, барымтадан қорыққан мал жыйнамас» («Саранчи бояться — хлеба не сеять, барымты [угона скота] бояться — скота не меть»). Это свидетельствует о том, что земледельческие пословицы казахов бытовали по меньшей мере еще в начале XIX века.

Поскольку нет определенных данных о расцвете земледельческоо хозяйства у казахов в более ранние периоды, невозможно установить исторические истоки бытовавших в народе в XIX веке земледельческих пословиц. При скудности исторических данных не следует строить необоснованных гипотез относительно этих истоков. Критикуя Буслаева за необоснованные предположения о происхождении отдельных пословиц, Добролюбов предупреждал его от натя-

жек: «При небольшой натяжке, разумеется, можно из пословиц вы вести весьма многое»[1].

Однако из этого вытекает только то, что существовавшие в XIX в. земледельческие пословичные выражения не могут быть точно закреплены за определенным периодом, а не то, что такие вы ражения вовсе не могли существовать у казахов в более ранний пе риод их истории.

Данные исторической науки Казахстана о том, что некоторые из племенных союзов и народностей, вошедших впоследствии в состав казахской народности, имели довольно высокую земледельческую культуру, служат известным основанием для построения гипотезы об истоках казахских земледельческих пословичных выражений.

Здесь существенное значение для изучения генезиса пословиц приобретает их связь с языком. Органическая связь бытования по словиц с языком могла сохранять унаследованные пословичные вы ражения долгое время в составе языка при том медленном разви тии, которым отличается история казахов в период до присоедине ния Казахстана к России.

Есть основания предполагать, что в казахском языке могли по лучить дальнейшее бытование земледельческие слова, перенесен ные из языков племен, вошедших в состав казахской народности, и это, возможно, явилось истоком бытования в казахском языке зем ледельческих пословичных выражений.

Не имея данных из истории казахской народности, могущих про яснить вопрос о возникновении и развитии земледельческих посло виц, мы отыскиваем их в истории этногенеза ее.

Кроме того, хотя и не было периода расцвета земледельческой культуры, нельзя сказать, что понятие земледелия было совершенно чуждо условиям жизни, в которых жил народ в то время. Земледе лие не является такой отраслью хозяйства, как промышленность. Оно в той или иной мере входит в историю любого народа на любой стадии его развития. Маркс писал: «У всех восточных племен мож но проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством дру гой части»[2]. Эти слова Маркса дают ключ к оценке земледельческой культуры, которая складывалась у племен тюркского происхожде ния, вошедших впоследствии в состав казахской народности.

Занятия земледелием, почти все время имевшие место у извест ной части казахского населения и у соседних народов, потребление земледельческих продуктов казахами, хотя бы сами они не произво дили их, наблюдения за жизнью растений в полевых условиях — все это, если и не могло способствовать развитию земледельческих пословиц, то, во всяком случае, создавало ряд предпосылок для ран него бытования среди казахов некоторых земледельческих посло

---

[1] Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в шести томах. Т. I, стр. 512
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1947 стр. 73.

вичных выражений или даже отдельных пословиц, исторические истоки которых трудно обнаружить.

В первой главе данной работы мы останавливались на вопросе о древнем происхождении пословиц и их бытовании среди народа в неразрывной связи с языком. Считаем уместным здесь еще раз подчеркнуть это обстоятельство и дополнить сказанное некоторыми другими фактами.

Для подтверждения нашей мысли о возможном раннем бытовании элементов земледельческих пословиц среди казахского населения отметим, что Добролюбов, критикуя мифологическую теорию Буслаева о происхождении некоторых пословиц, в то же время соглашается с ним в том, что многие пословицы имеют древнее происхождение. Добролюбов писал: «На первых же страницах своего сочинения г. Буслаев говорит о многих пословицах, служащих выражением древних верований и понятий. Нельзя не согласиться, что пословицы могут быть приняты в соображение при исследованиях о мифологической эпохе славянской истории; но едва ли можно придавать так много значения, как это делает г. Буслаев»[1].

Слова Горького о том, что «пословицы и поговорки образцово формируют весь жизненный социально-исторический опыт трудового народа» и что «мышление крестьянства... издавна приучено думать в готовых, окостеневших формах, какими являются пословицы и поговорки»[2], также исходят из признания длительности бытования пословиц в народе.

Признав древнее или сравнительно давнее происхождение пословиц, поневоле приходится задаться вопросом, как эти отдельные афоризмы сохранились до наших дней.

Древнее происхождение пословиц не означает, что они веками жили и живут своим первоначальным идейно-смысловым содержанием. Они дошли до нас как спутник языка, постепенно меняя в процессе развития свою форму и свое содержание. Подтверждение этому мы находим и в высказываниях Добролюбова, считавшего пословицы источниками, с помощью которых может вестись «разработка» сокровищ отечественного языка», и в трудах советских фольклористов.

Все это позволяет думать, что земледельческие пословичные выражения могли бытовать в составе казахского языка еще в период оформления казахской народности. Такая форма бытования характерна не только для земледельческих пословиц. Этим путем вообще передается из поколения в поколение основная масса пословиц. На основе тех же закономерностей продолжали жить в период после присоединения Казахстана к России многие устаревшие пословицы, связанные с некоторыми специфическими и уже отжившими условиями жизни. Ярким свидетельством тому могут служить казахские пословицы, отражающие условия рабовладельческих отношений.

---

[1] Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1, 1954, стр. 512.

[2] Горький об искусстве. Составитель Е. Э. Лейтнеккер. М.—Л., 1940, стр. 204.

Бытование пословицы в языке в тот или иной исторический период не дает достаточного основания для определения ее генезиса, как и определение генезиса не дает полноценного материала относительно содержания, вкладывавшегося в пословицу в тот или иной исторический период. Речь может идти лишь о конкретном содержании пословицы в каждом отдельном, поддающемся исследованию, случае.

Одно ясно: пословица может полностью оправдать свое общественное назначение, быть полноценной пословицей только на конкретно-историческом фоне. Именно в этом плане надо понимать слова Белинского: «Пословицы, поговорки и местный язык, сами по себе, не имеют ничего замечательного». Пословица связана со всей совокупностью жизненных явлений, которые обусловили ее появление или бытование в каждый данный исторический период.

Общественная значимость идейно-художественного содержания народной пословицы еще зависит от степени выраженности этих жизненных явлений и от применимости пословицы. Если отживает какой-нибудь обычай, связанный с определенной трудовой и социальной практикой, обусловливающей бытование пословицы, это приводит к снижению ее общественной роли. Например, возникновение пословицы «Өтпес пышақ қынға қас өтірік сөз жанға қас» (Тупой нож вредит ножнам, ложные слова вредят душе») несомненно связано с тем периодом, когда среди казахов было массовым явлением ношение ножей в ножнах и когда это обусловливалось соответствующей трудовой и социальной практикой. С изменением трудовой и социальной практики, а также с появлением складных ножей обычай носить ножи в ножнах постепенно отходит в прошлое в течение последних столетий. В начале XX века так носили ножи только отдельные лица. Данная пословица, продолжающая бытовать в казахском языке до сих пор, не живет такой жизнью, какою она жила когда-то, несмотря на то, что все еще общепонятен ее смысл. Вне той трудовой и социальной практики, которая вложила в нее реальное содержание, данная пословица не играет уже сколько-нибудь серьезной роли как пословица.

Отсюда возможное бытование в казахском языке пословичных выражений, связанных с земледелием, еще не означает сохранения за ними полноценной общественной функции и тем более не говорит о наличии причин для развития их в периоды более поздние.

Трудно поэтому предполагать в отдаленном прошлом живую связь казахских земледельческих пословиц с казахским бытом. Можно говорить лишь об элементах такой связи.

Ведь и теперь, после довольно продолжительного развития земледелия в Казахстане, земледельческие пословицы, по сравнению хотя бы с животноводческими, имеются в небольшом количестве. Попытка отнести эти пословицы к начальному периоду образования казахской народности привела бы к антинаучному выводу, игнорирующему этот сравнительно длительный период развития земледелия среди казахского населения.

Следует учитывать и то обстоятельство, что пословицы, возникшие на основе ограниченной земледельческой практики в отдельных районах страны, не всегда и не так быстро могут превращаться в общенародные пословицы. Так, например, пословица «Атпада істеген қатпа болады» («Кто работает на атпе[1], превращается в «катпу» [чахоточного]»), бытовавшая в некоторых южных районах Казахстана на основе местной примитивной земледельческой практики, не получила широкого распространения и не стала общеказахской пословицей. Следовательно, даже пословицы, возникшие в отдельных районах в различное время, могли быть забыты в связи с изменением исторической обстановки.

Наконец удается установить более позднее происхождение некоторых из этих немногочисленных пословиц.

Пословицы: «Земледельцы перестают работать во время дождя, а рыбаки — во время бури», «Не посеяв хлеба, ожидать урожая — то же, что не женившись, ожидать детей», «В одном котле не изжаришь двух зерен пшеницы» — не несут в своем содержании сколько-нибудь заметной (прямой или иносказательной) моралистической нагрузки. Они не блещут остроумием, не отшлифованы даже и по форме, слабы в художественном отношении. Это — один из признаков, свидетельствующих об их позднем происхождении. Другим признаком является слабая распространенность указанных пословиц среди населения.

Впечатление неотшлифованных могли бы производить и некоторые устаревшие, забытые пословицы. Однако в условиях значительного и систематического развития земледелия среди казахов в течение последних столетий земледельческие пословицы не могли производить впечатления забытых.

Пословица «Если наступишь на кетмень — ручка по тебе ударит» сохранила свежие следы переосмысления старой пословицы: «Если наступишь на шот — ручка по тебе ударит». «Шот» — плотничий инструмент, бывший в массовом употреблении у кочевников. Он по своей форме похож на кетмень, широкое применение которого уже связано с земледельческой практикой. До сих пор во многих местах Казахстана в пословице фигурирует «шот», а не «кетмень». Однако наличие зафиксированного в официальных документах XIX века варианта данной пословицы, где вместо «шота» употребляется «кетмень», говорит о позднем процессе переосмысления старой пословицы применительно к земледельческой практике.

Еще более поздний процесс переосмысления упомянутой пословицы мы замечаем в тех местах, где кетмень не применялся в земледельческой работе, а шот постепенно вышел из употребления в связи с сокращением тех видов ремесла, где он применялся, и широким распространением топора—более мощного орудия для обработки дерева в условиях более развитого полукочевого или почти оседлого хозяйства. В таких районах Казахстана в земледельческой ра-

[1] Примитивное орудие для орошения.

боте вместо кетменя применялась русская железная лопата[1]. Не зная кетменя и не имея в употреблении шота, а, наоборот, постоянно имея дело с лопатой, народ ввел в упомянутую пословицу лопату вместо двух предыдущих орудий труда.

Любопытно отметить наличие пословицы, сочетающей в своем содержании как земледельческую, так и скотоводческую практику: «Саранчи бояться — хлеба не сеять, барымты бояться — скота не иметь». Нет никаких оснований полагать, что обе части этой пословицы: одна—связанная с земледелием, другая — со скотоводством, —с самого начала возникли одновременно. Они в большинстве случаев употребляются как самостоятельные пословицы и в настоящее время. Скорее всего можно предположить, что они являются синонимическими изречениями, возникшими в различное время на основе различной трудовой практики. Их объединение лишь вскрывает некоторые особенности процесса, происходящего в области образования земледельческих пословиц. Эта особенность в данном случае заключается в том, что часть пословицы, отражающая занятия земледелием, возникла по аналогии с той ее частью, где говорится о скотоводстве, что является естественным путем развития казахских пословиц в рассматриваемый период.

Не вызывает сомнения позднее происхождение и тех пословиц, в которых отражено появление в хозяйстве домашней птицы (кур).

Прочие из приведенных выше пословиц по своим идейно-художественным качествам могли бы быть отнесены к более раннему периоду истории казахской народности при наличии ясно очерченного исторического фона для них, чего, как мы уже отметили, историческая наука Казахстана нам не дает. Факты, говорящие о том, что на протяжении почти всей истории казахов земледелием занималась небольшая часть населения отдельных районов Казахстана, не создают конкретного исторического фона для земледельческих пословиц казахов.

Дело, впрочем, определяется не одним фактом существования того или другого вида хозяйства, а той ролью, которую он играет в материальной жизни общества. Важно то, насколько существенным стал он в экономике страны и насколько сузил или расширил он арену классовой борьбы. Не обратившись к фактору классовой борьбы, невозможно познать ни одного общественного явления, в том числе и развития поэтического творчества народа.

Отсюда вытекает тот вывод, что казахские земледельческие по-

---

[1] Надо полагать, что в этих районах Казахстана (напр., в Западно-Казахстанской области) кетмень был вытеснен в результате массового распространения дешевой (фабричной) железной лопаты из России после переселения в эти места казахов Младшего жуза. Об этом свидетельствует тот факт, что, например, в начале XX века казахи этих мест не видели в своей жизни и совершенно не знали, что такое кетмень, но, тем не менее, в их языке слово «кетмень» осталось в переносном значении в смысле «большой кусок» («нанды кетпендей қылып үзіп берді» — «Отломил хлеба с кетмень», т. е. большой кусок).

словицы не могли формировать в полном смысле этого слова соответствующий социально-исторический опыт в ту пору, когда опыт этот не был еще характерен для основного экономического уклада в казахской степи, т. е. в период до присоединения Казахстана к России. Наши предположения о возможном бытовании в этот период в языке народа пословичных выражений не только не противоречат этим выводам, но, наоборот, подтверждают их.

«Жизненный, социально-исторический опыт трудового народа» (М. Горький), связанный с земледельческой трудовой практикой, систематически накапливается казахами, начиная с того момента, когда среди них появляется оседлое и полуоседлое население, и особенно,— когда они перенимают земледельческую культуру у русских крестьян.

Земледелие в дальнейшем стало широко распространяться по мере роста имущественного неравенства среди казахов и с углублением классового расслоения у них вследствие разорения скотоводческого населения джунгарским нашествием, усиления феодальной эксплуатации народных масс и ряда других обстоятельств внутреннего и внешнего порядка. В результате этого больше стало некочующих маломощных хозяйств, вынужденных заниматься земледелием.

Развитие земледелия было связано также с ограничением радиуса откочевок в силу тех же внутренних и внешних условий, которые впоследствии привели население некоторых районов к полукочевому и даже оседлому состоянию. В результате, многим скотоводам представилась возможность сочетать скотоводство с земледелием, а это в свою очередь отдавало в эксплуатацию зажиточным кочевникам-скотоводам оседлое земледельческое население. Появилась материальная заинтересованность в развитии земледелия со стороны более широкого круга людей. Если раньше земледелие практиковалось только в южных районах, то теперь очаги земледелия появились и в других районах Казахстана.

Таким образом, в сложном переплетении внешних и внутренних факторов, приводивших к постепенному внедрению земледелия и оседлости в Казахстане, решающую роль играла экономическая и политическая ориентация этого района на Россию, воздействие на него русской экономики. Важнейшим толчком послужило усиление непосредственной связи казахов с русским населением, появление в казахской степи оседлых земледельческих поселений и вместе с ними — более высокой земледельческой культуры, а также более совершенных орудий обработки земли. В конце XVI, особенно в начале XVII века, на территории Казахстана появляются первые русские поселения. В дальнейшем количество русских поселений в соседних с казахами районах и на территории Казахстана все больше увеличивалось.

Русские крестьяне перенесли земледелие в среду казахского населения. И это лишний раз подтверждает, что начало укрепления земледельческой культуры среди казахов тесно связано было с теми предпосылками, которые обусловили присоединение Казахстана к

России. И это же дает ключ к пониманию истоков хозяйственного и культурного сближения казахов с русскими еще в далеком прошлом, к пониманию роли такого сближения для судеб устного народного творчества казахов.

Дальнейшее внедрение земледелия в Казахстане на протяжении XVIII и, особенно XIX века, прямая связь этого процесса с воздействием русской экономики становятся уже настолько очевидны, что не требуют специальных доказательств. Теперь земледелие становится для казахов массовой отраслью труда, основным источником существования многих людей, и в то же время оно создает почву для значительного расширения и обострения классовой борьбы.

На территории Казахстана начали строиться города и укрепленные пункты, связь с которыми еще больше усилила тягу к земледелию. Источниками распространения земледелия стали не только русские селения, но и многие казахские аулы, длительное время занимавшиеся этим видом хозяйства. Итак, земледелие вошло в быт огромной части казахского населения как наиболее концентрированный результат всей системы воздействия русской экономики на хозяйственное развитие казахов.

Чем дальше, тем глубже и шире распространялось в казахской степи это экономическое и культурное воздействие, тем более глубокое влияние оно оказывало на рост духовных сил народа.

Ярким выражением этого глубокого влияния на рост духовных сил казахского народа является зарождение во второй половине XIX в. казахского просветительства, зрелость и прогрессивная роль которого характеризуются глубоким пониманием передовой частью казахского общества выдающегося прогрессивного значения для судеб своего народа присоединения Казахстана к России. Это видно из слов первого казахского просветителя-демократа Чокана Валиханова: «Какой замечательный человек этот Чернышевский и как хорошо он знает жизнь не только русских. Я после беседы с ним окончательно укрепился в том смысле, что мы без России пропадем, без русских — это без просвещения, в деспотии и темноте, без русских — мы только Азия и причем другими без нее не сможем быть. Чернышевский — это наш друг»[1].

С общекультурным развитием казахского народа связано также и развитие его языка. Появление земледельческих пословиц стало возможным лишь после того, как язык народа обогатился понятиями и их обозначениями, связанными с земледелием. Это говорит о том, что возможности для развития земледельческих пословиц, заложенные в языке казахов, до последних столетий также были ограничены, ибо процесс архаизации передававшихся из поколения в поколение пословичных выражений всегда протекал, а источники пополнения их были скудны и, как уже отмечено, трудно поддают-

[1] А. Ф. Якунин. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX века. Присоединение Средней Азии к России. Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Москва, 1954.

ся исследованию. Настоящие условия для бытования земледельческих пословиц в языке, следовательно, тоже создавались, начиная с периода широкого развития земледелия. Элементы земледельческих пословичных выражений, ранее бытовавших в народе, только после этого получили дальнейшее развитие, обогатившись полнокровным содержанием и получив реальное, глубоко осмысленное применение в новых условиях более быстрого, успешного и массового развития земледелия. Появились новые пословицы, о чем свидетельствует, в частности, отмеченный нами выше процесс сращивания земледельческих и скотоводческих пословиц, появились пословицы, которые за сравнительно короткий срок их бытования еще не отшлифовались ни по форме, ни по содержанию.

Кроме вышеприведенных примеров, на мысль о позднем происхождении земледельческих пословиц наводит и один частный случай — построение пословицы «Берсең — аларсың, ексең — орарсың» («Дашь — получишь, посеешь — пожнешь»). Факт бытования в народе варианта данной пословицы, полностью сливавшегося с ней, а именно пословицы «Береген қолым алаған» («Рука, много дающая, так же много получает»), дает серьезный материал для изучения ее происхождения. Первая часть («берсең—аларсың») первой пословицы очень точно передает смысл последней пословицы, потеряв при этом пословичную двухчленную форму (следовательно, и соответствующее содержание). Благодаря второй части первой пословицы («ексең—орарсың») она снова приобретает двучленную пословичную форму и соответствующее пословичное содержание. Вторая пословица при такой переработке своей формы теряет ничего не прибавляющее к ее значению слово «қолым» («рука») и архаическую, характерную для более ранней стадии казахского языка, форму построения фразы («береген, алаған»). Но содержание пословицы усиливается, становится выразительнее благодаря предельной четкости выражения: «что посеешь, то и пожнешь». Нельзя не признать, что именно это пословичное выражение, связанное с земледелием, получило более яркое осмысление в народных массах, а вместе с тем дало возможность восстановить утерянную при переработке двучленную пословичную форму, вызвало к жизни новый, усовершенствованный вариант пословицы.

Есть понятия, которые в жизни каждого народа получают определенное выражение. В данном случае мы имеем дело именно с одним из таких изречений: «Если ты сам будешь давать, то и тебе дадут». Такие формулы народной мудрости закономерно проходят процесс непрерывного переосмысления параллельно непрерывному развитию экономики и культуры народа.

Не исключена возможность одновременного существования двух и более пословиц, выражающих одну и ту же мысль, но возникших самостоятельно. В данном случае мы обращаем внимание не на факт одновременного бытования таких пословиц, а на те данные, которые говорят об их связи. Следует подчеркнуть, что сложение

новых пословиц на основе или по образцу старых пословиц — один из общепризнанных путей образования пословиц.

Признаком позднего происхождения земледельческих пословиц является еще и то, что они не обнаруживают в своем развитии процесса архаизации, связанного с разложением патриархально-феодальных условий жизни. Между тем, этот процесс широко охватил почти все другие категории казахских пословиц.

Наконец одним из главных признаков более позднего формирования земледельческих пословиц надо считать отсутствие в них указания на древние способы земледелия.

Под воздействием более высокой земледельческой культуры жанр казахских пословиц отразил более интенсивную ступень сельскохозяйственного труда, обогатился вполне реалистической категорией пословиц, и это надо считать фактом, создавшим значительный перелом в развитии данного жанра.

Подчеркивая большое значение формирования категории земледельческих пословиц не только для судьбы одного жанра, но и для всего устного народного творчества казахов, следует в то же время отметить большую силу ограничивающих их развитие условий, которые обусловили общий характер и малочисленность у казахов этих пословиц, а также внешнюю и внутреннюю неотшлифованность ряда из них и т. д. И все же эту категорию пословиц украшают уже такие, например, изречения, которые удачно выражают мудрость народа: «Не ексең, соны орарсың» («Что посеешь, то и пожнешь»); «Орақшының жаманы орақ таңдайды» («Плохому жнецу никак серп не угодит»); «Соқыр тауыққа бәрі бидай» («Слепая курица все принимает за пшеницу»); «Кімнің тарысы піссе, соның тауығы» («Становится курицей того, у кого созрело просо»); «Кетпеннің басын бассаң сабы өзіңе тиеді» («Если наступишь на кетмень — ручка по тебе ударит») и др.

Выводы, к которым мы приходим при изучении земледельческих пословиц, получают новое подтверждение при рассмотрении последних на общем фоне развития казахских пословиц в период после присоединения Казахстана к России.

Пришлось более подробно остановиться на вопросе об исторических истоках пословиц, связанных с земледельческой практикой, по той причине, что вопрос о состоянии земледелия и о земледельческих пословицах является наиболее определяющим для изучаемого предмета. В казахских пословицах закреплено и сохранено только то, что приобретало силу традиции в течение продолжительного времени. Даже серьезные, но кратковременные события в жизни народа не нашли отражения в народных пословицах. В них закреплялись не отдельные факты, а их результаты, осмысленные и обобщенные народным сознанием.

С этой точки зрения, для глубокого раскрытия характера развития казахских пословиц в рассматриваемый период, переход казахов к земледелию приобретает чрезвычайно важное значение, так

как он предполагает ведение оседлого образа жизни со всеми присущими ему особенностями, которые оказали соответствующее воздействие на народное творчество, включая пословицы. Прогрессирующее земледелие налагает определенный отпечаток на уровень и характер культуры народа, развивавшейся до этого почти исключительно в условиях кочевого скотоводческого хозяйства. Такая роль земледельческого хозяйства при изучении жанра пословиц приобретает исключительное значение, если принять во внимание то обстоятельство, что тут всего заметнее следы воздействия русской экономики — воздействия, которое проходило в течение длительного исторического периода и проявлялось в земледелии сильнее, чем в любой другой отрасли хозяйства. Пословицы, связанные с земледельческой практикой, не случайно образуют в изучаемый период реалистическое ядро казахских трудовых пословиц.

Произведенный нами обзор, формально связанный с изучением земледельческих пословиц, фактически выясняет гораздо более широкую картину тех условий жизни, в которых шло развитие казахских пословиц вообще. Возникает возможность на основе этих социально-экономических, общественно-политических, языковых и некоторых иных данных, и не повторяя их, продолжить анализ конкретных фактов развития казахских пословиц рассматриваемого периода — уже не только земледельческих. Для этого достаточно дополнить отмеченные данные общеизвестными фактами из области экономики Казахстана во второй половине XIX и начале XX века, в частности, фактами, связанными с проникновением в казахскую степь товарно-денежных отношений.

В рассматриваемый период скотоводство остается ведущей отраслью хозяйства казахов до самой Октябрьской социалистической революции. Земледелие становится важной отраслью хозяйства. Развиваются ремесла, возникают отдельные очаги промышленного производства. В казахскую степь проникают элементы капитализма, постепенно углубляя и расширяя свое влияние на всю экономическую и культурную жизнь народа. Внедряется оседлый быт. Усиливается разделение труда.

В области экономических отношений продолжающие по форме существовать родовые институты приспосабливаются к феодальным условиям жизни, приобретают феодальный характер по своему содержанию. Определенное влияние оказывали на общественно-политическую жизнь казахов административные реформы, проведенные в XIX веке царизмом в соответствии с его колонизаторской политикой.

Изменяются классовые отношения в обществе, усиливается в нем социальное расслоение и обостряется классовая борьба. В это время, особенно в конце XIX и начале XX века, начинает сказываться влияние рабочего движения в России.

Другой, после земледелия, областью экономики, в связи с которой получил дальнейшее значительное развитие жанр пословиц,

явилась торговля, связанная с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений.

Со времени образования казахской народности и вплоть до присоединения Казахстана к России хозяйство у казахов имело натуральный характер. Торговля была меновая и очень слабо развита. Она носила сезонный характер. При слабом развитии земледелия в этой торговле обмен скота на хлеб между казахами не играл сколько-нибудь значительной роли.

Торговля с Хивой и Бухарой, с каракалпаками и др. не могла удовлетворить растущих потребностей населения, в результате чего все больше и больше усиливалось тяготение казахского населения к русскому рынку.

В дальнейшем это тяготение должно было еще более усилиться потому, что в основе его лежала глубокая историческая необходимость. Экономическая жизнь казахской народности во все время ее существования до того носила застойный характер, и чтобы выйти из этого застоя, необходимо было сближение казахского народа с наиболее передовой в экономическом и культурном отношениях страной,— с Россией.

Изучая влияние России на устное творчество казахов, следует подчеркнуть эту глубоко объективную закономерность, историческую обусловленность указанного влияния, ибо отсюда как раз и вытекает то развитие, которое характерно не только для торговых, но и для всех других категорий казахских пословиц.

Торговля у казахов долгое время носила случайный характер. Слабы были торговые связи. Невысокий уровень экономического и социального развития тех народов, с которыми эти связи имелись, также отразился на слабом развитии у казахов торговых отношений. Весьма ограничено было число товаров, втянутых в товарообмен.

Следы неразвитых торговых связей казахов с другими народами, а также межаульного товарообмена в казахских пословицах обнаружить трудно. Точно выяснить возможное бытование некоторых пословиц общего содержания, вроде пословиц «Саудада достық жоқ» («Торговля не признает дружбы»), «Базарға бар да, бағың сына» («Отправляясь на базар, испытай свое счастье»), затруднительно, ввиду отсутствия записей или иных материалов. Бытование приведенных пословиц в языке народа как отражение слабых, еще не укоренившихся в массе понятий об обмене о торговле, мы можем только предположить.

Основная масса связанных с торговой практикой пословиц отражает быт народа в более позднее время. Об этом свидетельствует само содержание пословиц. Возьмем хотя бы следующие: «Балалы үй—базар, баласыз үй—мазар» («Дом с детьми—как базар, дом без детей—как могила»); «Тыйын теңгені сақтайды» («Копейка рубль бережет»); «Базарда мың кісі бар; әр кісі сүйгеніне сәлем берер» («На базаре тысяча людей; каждый почет отдает тому, кого уважает»); «Мың теңгелік қамшыдан, бір теңгелік пайда жоқ» («Тыся-

черублевая нагайка,— а пользы и на рубль нет»); «Бір теңке бие болмас, екі теңке түйе болмас, мал қызғанған махрум» («Рубль не лошадь, два — не верблюд; денег пожалеешь — жизни не узнаешь»); «Мың сомың болғанша, мың досың болсын» («Чем иметь тысячу рублей, лучше иметь тысячу друзей»); другой вариант: «Жүз мәнетің болғанша, жүз досың болсын» («Лучше иметь сто друзей, чем сто рублей») и т. д.

Основной идейно-художественной особенностью этих пословиц является их глубокая, органическая связь с тем бытом, который может считаться характерным для казахов, только начиная с периода после присоединения Казахстана к России. Например, нельзя не обратить внимания на оценку в деньгах такого характерного для кочевого народа бытового предмета, как «қамшы» (нагайка). Нагайку себе делал почти каждый казах. Но были и мастера этого дела, которые преподносили в качестве подарка или плели по заказу хорошие нагайки, получая за одну такую нагайку барана или даже лошадь-однолетку. Поэтому среди казахов была принята оценка нагайки по стоимости барана, лошади-однолетки или вообще лошади и т. д. Оценка нагайки в деньгах, да еще произведенная в пословице, говорит о растущем проникновении товарно-денежных отношений в казахскую степь, что нашло и соответствующее отражение в сознании народных масс.

К такому выводу мы приходим, имея в виду и другие факты. Возьмем пословицы: «Тыйын теңкені сақтайды» («Копейка бережет рубль»); «Бір теңке бие болмас, екі теңке түйе болмас» («Рубль не лошадь, два—не верблюд»); «Мың сомың болғанша, мың досың болсын» («Чем иметь тысячу рублей, лучше иметь тысячу друзей») и т. д. Для передачи, например, мысли, выраженной пословицей «Копейка рубль бережет»,— мысли о бережливом, хозяйственном отношении к своему имуществу,—раньше употреблялись такие пословицы, как: «Арық малды асырасаң аузы-мұрның май етер» («Уход за тощим скотом создает тебе обилие пищи»), «Мал баққанға бітеді» («Скот иметь будет тот, кто его бережет») и т. д. Эти пословицы, вполне соответствовавшие образу жизни и образу мыслей скотовода при натуральном хозяйстве, никак не могли выразить его бережливое отношение к новому виду ценности, заменяющему скот,—к деньгам. Чтобы умножить свое состояние, не надо было тщательно ухаживать за этим новым видом имущества, но необходимо было экономно его расходовать, приложить большие старания к тому, чтобы как можно больше накопить его. Это соответствовало природе нового вида ценности, который оказался весьма текучим, неустойчивым, в отличие от лошадей или овец. В соответствии с этим перестроилась психология скотовода, и новые потребности привели к появлению новой пословицы.

Особое внимание обращает на себя вторая пословица, отражающая в своем содержании одновременно и животноводческую, и торговую практику. Если предыдущая пословица призывает к бережливости, то данная пословица предостерегает от крайностей в этом

деле — в деле сбережения. Она поучает: рубль все же не лошадь, а два рубля не верблюд, их нельзя переоценить в своих отношениях с людьми. Появление образа-пословицы с таким содержанием не случайное явление: оно соответствует параллельному существованию среди казахов занятий скотоводством и торговлей. Такой новый образ не мог бы появиться в устной поэзии, например, там, где торговая практика совершенно оторвана от скотоводческой.

Пословица «Балалы үй—базар, баласыз—үй мазар» («Дом с детьми — как базар, дом без детей — как могила») дает представление об оживленной, шумной обстановке базара и переносит это представление на семейный быт, выражая теплое чувство любви к детям, от которых в доме шум и гам, звучащий, однако, музыкой для любящих родителей.

В пословице «На базаре тысяча людей, каждый почет отдает тому, кого уважает»—слово «уважает» употреблено в значении «берет», «выбирает». Казах переносит обычно этот смысл слова на те случаи, когда подразумевается: у каждого свое желание, свой вкус, свой нрав.

Картину оживленной жизни базара в образном виде переносит в повседневный быт людей еще следующая пословица: «Барымен базар, жоқты қайдан қазар» («Что имею, с тем и базар [т. е. торжество], чего нет—того из под земли не достанешь», т. е.: «Чем богат, тем и рад»).

Возможно ли предположить, что такое понятие о базаре у казахов сложилось еще в то время, когда они вели торговлю с Бухарой, Хивой, Китаем и т. д., когда был очень слабо развит межаульный обмен и не существовали сами базары как таковые, посещаемые народом, и т. д. Ясно, что делать такое предположение невозможно.

Картина оживленной торговли на базаре определила построение ряда других пословиц и тем самым стала одним из непосредственных источников новых образов, характерных для развития жанра казахских пословиц в период после присоединения Казахстана к России.

Под влиянием новых условий жизни многие моральные нормы, ранее закрепленные в пословицах, отразивших старый быт, теперь связываются с товарно-денежными отношениями. Приведем ряд примеров: «Ақшаны жолдан тапсаң да санап ал» («Хоть найдешь деньги и на дороге, а все-таки бери их по счету»). Не может быть никакого сомнения в том, что это новый вариант пословицы «Алтынды жолдан тапсаң да санап ал» («Хоть найдешь золото и на дороге, а все-таки бери его по счету»). Разница между пословицами только в том, что вместо слова «деньги» в первой пословице, во второй употребляется—«золото». Мораль в том и другом случае такова: не зарься на даровые вещи, за это можно поплатиться; будь умерен. В упоминании о «золоте» надо видеть отражение того, что когда-то деньги заменялись ценностями. Под золотом в данном случае подразумевались не деньги, а вообще ценности. В содержании данной пословицы, возможно, даже заключался намек на роскошь быта пат-

рпархально-феодальной знати. С вводом слова «деньги» этот оттенок исчезает, пословица становится ближе к обыденной жизни.

«Ақшалының қолы ойнар, ақшасыздың көзі ойнар» («У человека с деньгами играют руки, а у человека без денег — глаза»). Другая редакция: «Ақшасы бардың өзі ойнар, ақшасыздың көзі ойнар» («Человек с деньгами сам играет, а у лишенного денег глаза играют»). Эта пословица отражает факт имущественного неравенства, но иллюстрирует его на новом виде имущества — на деньгах. Раньше народ выражал то же самое, но иначе. Примером может служить пословица: «Ас аттынікі, той тондынікі» («На поминальный пир ездит тот, у кого много лошадей, на торжественный пир ездит тот, у кого хорошая одежда») и др.

Кроме того, данная пословица построена по аналогии с пословицей «Аталы баланың аузы ойнайды, атасыз баланың көзі ойнайды» («У дитяти, имеющего отца, играет рот, у дитяти без отца играют глаза»). Характерно, что в последнем варианте отражен процесс обращения с деньгами — «қолы ойнайды» (руки играют), а не «аузы ойнайды» (рот играет).

Имущественное неравенство, вытекавшее из натурального хозяйства, получило свое отражение в ряде пословиц в связи с определенными видами имущества: лошадью, одеждой, пищей, вообще имуществом: «Бардың ісі парменмен, жоқтың ісі дәрменмен» («Имущий человек дело делает силой [богатством], а неимущий — старанием»).

Пословицы, отражающие имущественное неравенство в деньгах, несомненно, обобщили многое из того, что вытекало еще из условий натурального хозяйства, явившись, однако, значительным прогрессом в развитии жанра казахских пословиц.

Значение аналогичных примеров становится совершенно ясным, если взять их в совокупности. К ним относятся и следующие пословицы: «Ат жақсысы шанада, жігіт жақсысы саудада» («Хорошая лошадь узнается в беге на санях, а молодец—в торговле»); «Әкім тура болмаса жұрт бұзылар, саудегер жаман болса, нырық бұзылар» («Если начальство будет несправедливо, то в народе будет раздор, если торговцы будут плохие, то цены нарушатся»); «Қалаға барғаннан үш күнге дейін ақыл сұрама» («Кто ездил в город, у того три дня не спрашивай совета»).

Первая из этих трех пословиц отражает оседлый образ жизни, когда стало обычным катание на санях, занятие совершенно необычное при кочевом образе жизни, и существование торговли.

Другая пословица построена по аналогии с пословицей «Бір күн ашыққаннан қырық күн ақыл сұрама» («От голодавшего в течение одного дня—до сорока дней не спрашивай совета»). Ясно, что здесь имеются в виду не те «города», которые существовали в период образования казахской народности в южной части нынешнего Казахстана.

Не все пословицы этой категории являются прогрессивными. Многие из них, в том числе некоторые из приведенных нами, отра-

жают характерные для своего времени противоречия в сознании народных масс и влияние на него идеологии господствующих классов. Расценивая их как факт исторического прошлого, нельзя в то же время забывать о противоречивых условиях жизни, характерных для этого прошлого.

В содержании некоторых пословиц, связанных с торговой практикой, заметны следы народных примет: «Қайырсыз мың тыйын қайырлы бір тыйын» («Одна копейка, приносящая добро, лучше, чем тысячи копеек, приносящих зло»).

Пословица «Жақсымен сауда қылсаң түбі біліс, жаманмен сауда қылсаң түбі ұрыс» («Торговля с хорошим человеком приводит к согласию, а торговля с дурным приводит к ссоре») переносит на торговые пословицы традиционный мотив, связанный со словами «жаман» и «жақсы».

Преломление торговой практики в сознании народных масс заметно в следующих пословицах: «Көп сұрамаса, аз бермес, ақымақ көп сұрар, ақылды аз берер» («Если много не запрашивать [при продаже], то и мало не дадут; дурак много запросит, умный мало даст»); «Талтаңдасаң талтаңда, ақшаң болса қалтаңда» («Пожалуйста, важничай себе, если есть деньги в кармане»); «Ажалдан ақша беріп құтылмас» («От смерти не откупишься деньгами»); «Барында батып іш, жоғында сатып іш» («Когда у тебя есть, ешь вволю, а когда нет — покупай»).

Считаем уместным заметить, что собиратель казахских пословиц во второй половине XIX века Катаринский к последней пословице делает такую оговорку: «Киргизы едят все свое, ничего не покупают, даже в дороге»[1]. Замечание собирателя лишний раз свидетельствует, что натуральная форма хозяйства играла значительную роль в жизни казахов даже в конце XIX века. Однако, если бы казахи ничего не покупали, то среди них такие пословицы не появились бы.

Прослеживаемая нами новая тенденция в развитии жанра пословиц не могла получить повсеместного проявления в одно и то же время. Под экономическим и культурным воздействием России на обширной территории Казахстана создавались определенные экономические и культурные очаги и районы, откуда шло дальнейшее распространение ростков нового. Игнорируя роль этих очагов, районов наибольшего культурного развития казахской степи, собиратель или исследователь всегда рискует придти к ошибочным выводам.

В силу этого в различной степени происходила архаизация казахских пословиц в различных районах Казахстана. В результате многие пословицы не везде были одинаково известны. При изучении казахских пословиц нельзя не учитывать и этой их особенности.

Подвергнутые анализу факты полностью подтверждают выводы, сделанные выше на основе данных истории казахского народа. Они дают ясную картину развития жанра казахских пословиц в рассматриваемый период в связи с развитием земледелия и торговли. При

---

[1] Катаринский. Сборник киргизских пословиц, 1899, стр. 188

этом мы не отрицаем возможности бытования в языке народа некоторых пословичных выражений на эту тему еще до присоединения Казахстана к России. Факты, связанные с указанными отраслями труда, которые, несомненно, получили развитие в Казахстане под воздействием русской экономики, играют решающую роль в определении характера дальнейшего развития казахских пословиц.

Рассмотрение различных явлений из области духовной жизни народа в свете фактов экономического развития (земледелия и торговли) помогало нам шире охватить и глубже осмыслить эти явления. Но рассмотрение определенных категорий пословиц в свете влияния экономики ни в какой мере не отрывает их от общего прогресса в культуре народа. Пословицы пережили своеобразные и сложные формы сравнительно длительного развития и применения в повседневном быту казахов, и это будет показано в дальнейшем на примерах из других категорий народных пословиц.

Несомненно, что одной из основных форм развития пословичного творчества является возникновение новых пословиц. Но в силу того, что пословицы развиваются не путем уничтожения старых и появления новых пословиц, а бытуют в народном языке в течение продолжительного времени, постепенно совершенствуя и меняя свое содержание, свою форму,— появление новых пословиц не может принять характер массового явления. Кроме того, появление новых пословиц ни в коем случае не следует рассматривать в отрыве от постепенного и длительного развития их и тогда, когда количественный рост новых пословиц наиболее очевиден. Это, например, подтверждалось ростом числа казахских пословиц, связанных с земледелием и торговлей.

Новые пословицы появлялись и в связи с другими видами трудовой и социальной практики народа. Но поскольку новые пословицы появились в окружении старых, сохраняя черты старого, они не всегда отчетливо выделялись как факт сдвига, измеряемого более или менее коротким периодом времени. Содержание новых пословиц лучше раскрывается, если брать их вместе с фактами переосмысления старых пословиц в новых условиях.

Действительно, типичнейшей чертой развития пословиц является процесс переосмысления их в духе новых условий жизни. Основная масса народных пословиц, связанных своим происхождением с патриархально-феодальным периодом, продолжала бытовать и после присоединения Казахстана к России. Это объясняется тем обстоятельством, что патриархально-родовой быт среди казахов просуществовал до самой Октябрьской социалистической революции.

Однако за этим нельзя не видеть применения старых пословиц к новым условиям жизни: содержание пословиц сплошь и рядом приобретало новые оттенки.

Сюда относятся, прежде всего, те пословицы, которые отражали проявления социальных противоречий. «Бай барын бермес, жоқ карап тұрмас» («Бай не даст и того, что у него есть, а бедный поделится тем, чем может»); «Бай байға құяр, сай сайға құяр» («Богач

имеет дело с богачом, вода из лощины течет в лощину»); «Тоқал ешкі мүйіз сұраймын деп құлағынан айрылыпты» («Безрогая коза, желая выпросить себе рога, осталась без ушей») и многие другие.

Однако есть и такие пословицы, которые приобрели еще бòльшую злободневность в этот период. В качестве примера можно привести следующие пословицы: «Қайырсыз байдан қарғылы тазы артық» («Борзая собака с ошейником лучше скупого богача»); «Байдың малы теңіз, ептеп жемеген доңыз» («Имущество богатого — море, кто не воспользуется им, тот кабан»); «Бай болған кісі бақырып бола ма?» («Неужели, чтобы богачом стать, надо криком брать?»); «Өзіңнен зорлар шықса, көзіңнен сорлар шығар» («Если столкнешься с более сильным, то из глаз потекут горькие слезы»); «Қарға қарғаның көзін шұқымас» («Вòрон вòрону глаз не выклюет») и т. д.

Факт бытования пословицы, сравнивающей богача с собакой, несомненно свидетельствует о значительном обострении классовой борьбы еще в XIX веке. Не менее резко выражает враждебное отношение бедной части казахского населения к богатой и вторая пословица, призывающая к безвозмездному использованию имущества богатых. Последующая пословица являлась в этот период выражением протеста против обострения социального неравенства. Предпоследняя пословица также обязана своим происхождением факту существования социального неравенства. В переводе выражение— «потекут горькие слезы»—не полностью передает смысл казахских слов «сорлар шығар». «Сор» — это не просто слезы, а нечто большее, являющееся результатом сильных душевных потрясений, глубокого горя. Данная пословица обобщила, запечатлела сотни и тысячи таких случаев и является свидетельством тяжкой народной доли.

Вполне возможно, что многие из тех пословиц, которые наиболее резко и отчетливо отражают социальное неравенство, возникли в более позднее время (в период после присоединения Казахстана к России). Однако изучение времени возникновения каждой пословицы не представляется возможным. О позднем происхождении многих других пословиц можно судить на основе анализа только некоторых пословиц, образование которых безусловно относится к изучаемому нами периоду. К этой категории можно отнести, например, следующие пословицы: «Қайырсыз байдан қалбаңдаған жарлы артық, тоймай жеген еттен бір аяқ көже артық» («Приветливый бедняк лучше недоброго богача, полная чаша похлебки лучше такого мяса, которым сыт не будешь»); другой вариант: «Қасаңсыған байлардан жалбаңдаған жарлы артық, қысылып жеген етіңнен көсіліп ішкен көже артық» («Радушный бедняк лучше скупого богача; лучше есть похлебку, сидя удобно, чем есть мясо при неудобствах»)[1]; «Алыстан арбалағанша жақыннан дорбала» («Бери мешочками то, что близко, чем брать целыми телегами то, что далеко»).

---

[1] Встречается и третий вариант, который начинается словами: «Қанағатсыз байлардан....» («Ненасытных богачей...»).

Острие первой пословицы, бытовавшей в нескольких вариантах, совершенно открыто направлено против богачей. Ее никак не могли использовать для оправдания своих поступков представители господствующих слоев населения. Пословица отражает желание бедняка освободиться от зависимости, в которую он попал, как указывается в пословице, из-за мяса. Но мясо—это деталь, которая введена в пословицу условно, в переносном значении. Она обобщает в данном случае все, что могло оказаться таким же привлекательным, соблазнительным для казаха бедняка, как и мясо. Таким образом, она употребляется здесь в том смысле, что лучше обойтись тем, что у тебя есть, и не быть зависимым, чем зариться на лакомые куски у богача и попасть в зависимость к нему из-за этого.

Возникновение этой пословицы, несомненно, относится к рассматриваемому периоду, потому что среди казахов похлебку готовили только те, у кого не было или не хватало молочных продуктов (приготовляемых чаще всего из коровьего молока); вместо них они вынуждены были употреблять похлебку. Поэтому-то похлебка, как бедняцкое блюдо, противопоставляется мало доступному для бедняка мясному блюду. Есть и специальная пословица, которая свидетельствует о том, что похлебка — это еда бедняков: «Қожаның көңлі құртқа қабады, көжесінің қатығы жоқ» («Ходжу соблазняет творог, а похлебку заправить нечем [т. е. молока у него нет даже на заправку похлебки»]). Пословица высмеивает все те случаи, когда желание человека расходится с действительностью, становится неосуществимым, фантастическим. Она подчеркивает незавидное положение той семьи, которая питается похлебкой, зачастую даже незаправленной, которую народ образно называет «қара көже» (черной похлебкой).

Этот вид пищи среди казахов мог получить массовое распространение только при полукочевом и оседлом образе жизни еще и потому, что казахи похлебку делают только из зерна, что свидетельствует о возникновении этого нового блюда в связи с развитием земледелия.

Только при оседлом и полуоседлом образе жизни мыслимо было бытование и той пословицы, в которой упоминается телега. Настоящее кочевое хозяйство казахов исключало широкое применение телег.

Отражение следов оседлого образа жизни можно уловить и в пословице «Аталастың аты озғанша, ауылдастың тайы озсын» («Пусть в скачках опережает лошадь того, кто из одного аула, чем лошадь того, кто из одного рода»), ибо в ней обобщаются добрососедские отношения тех, кто жил вместе, хотя они и происходили из разных родов. Смешение родов составляет смешанный, т. е. не родовой, а хозяйственный аул, и появление соответствующих такому положению вещей интересов среди народа также является характерным для более позднего времени.

Данная пословица говорит о дальнейшем ослаблении родовых связей среди казахов под влиянием условий рассматриваемого пери-

ода. Но еще более яркую картину ослабления патриархально-родовых связей в этот период дает пословица «Жарлы байдың—азығы, бала атаның—қазығы» («Бедняк—жертва богача, а сын—кол для отца»).

Слово «кол» вводилось народом в пословицы в смысле: «никуда не уйдешь, как привязанный к колу». Оно встречается и в других пословицах. Есть, например, такая пословица: «Хан—қазық, қарашы—азық» («Хан—кол, подданные—его жертва»).

Подданные никуда не уйдут от хана, а отец никуда не уйдет от сына (от своих детей) так же, как и животное, привязанное к колу.

Привязывание животных к колу было широко принято особенно в условиях кочевого образа жизни, ибо при кочевом ауле и юрте очень часто почти ничего заменяющего кол не было.

Животных к колу иногда привязывали длинными веревками с тем, чтобы они (чаще всего лошади) могли пастись вокруг кола, вбитого в землю. Можно полагать, что образное применение в пословице получает именно этот случай, когда привязанное животное свободно пасется вокруг кола и одновременно никуда от него не может уйти. Об этом свидетельствует бытование следующей пословицы: «Ат айналып қазығын табар» («Как бы ни кружилась лошадь, а все-таки от своего кола не уйдет»). Она применяется в переносном значении в смысле: «Как бы человек ни обижался или как бы ни ошибался, он никуда не уйдет» (по родственным или другим причинам).

В пословице о хане «кол» — символ антинародной власти хана, его жестокости, насилия и эксплуатации. Это раскрывается во второй части пословицы — «қарашы азық» (подданные — его жертва). Народ приводил данную пословицу не для утверждения всевластия хана, а для обличения его деспотизма.

В пословице о сыне «кол» — символ привязанности отца (вообще родителей) к сыну (к детям).

В первой части данной пословицы жертвой являются уже не подданные хана, не народ вообще, а бедняки, причем они оказываются жертвой не хана, а бая. «Бедняк—жертва богача»—это уже игнорирование родственных и родовых связей, стихийное разделение общества не на роды, а на враждебные друг другу социальные группы.

Несомненно, что последняя пословица возникла по аналогии с первой; но в более позднее время, когда не стало надобности критиковать хана, уже не существующего, и возникла большая необходимость критиковать бая, все больше и больше попирающего права не народа вообще, а бедняков.

Налицо отражение в пословицах социальной эволюции и углубления классового расслоения в казахском обществе после присоединения Казахстана к России.

Последняя пословица, возникшая по аналогии с первой в более позднее время, менее художественна, т. к. между ее двумя частями нет смысловой связи, имеющей огромное значение в усилении

образности пословицы. Две части данной пословицы связаны только на основе рифмования.

Многие из унаследованных пословиц в рассматриваемый период отражали жизнь не только зависимых, угнетенных бедняков, но и наемных сельскохозяйственных рабочих.

Когда в связи с проникновением и дальнейшим развитием товарно-денежных отношений и изменением других условий жизни феодальная эксплуатация усилилась, когда проникли в степь элементы капиталистической формы эксплуатации, все больше и больше развивая тягу имущих классов к богатству, к прибылям; когда явственнее стал протест против социального гнета и унижения простого человека, — тогда с большей остротой зазвучали народные пословицы, осуждающие жадность и высоко ставящие достоинство человека: «Жоқтық ұят емес, байлық мұрат емес» («Бедность не порок, а богатство не достижение цели»); «Мал жаным садағасы, жан арым садағасы» («Жертвую своим имуществом ради спасения своей души [жизни], жертвую душой [жизнью] ради сохранения своей чести»).

С усложнением органов власти, усилением взяточничества заметно возросла роль народных пословиц, осуждающих взяточничество: «Берген берне бұзар» («Кто даст что-нибудь, тот добьется своего»); «Арық малға суық өш, даулы кісіге әкім өш» («Тощий скот пострадает от холода, а тяжущиеся пострадают от начальства»). Ранее бытовала только первая часть пословицы как самостоятельная (она самостоятельно бытует и по сей день), а вторая часть приросла к этой старой пословице по аналогии, придавая ей социальную заостренность, отражающую характерные, особенно для второй половины XIX века, условия, и ослабляя ее прежнее значение, получающее полное звучание при раздельном употреблении.

«Начальство любит тяжущихся» — тут критикуется взяточничество «начальников» по преимуществу тоже в указанный период. Идейное содержание пословицы сосредоточено как раз в этом. Первая же часть пословицы в основном способствует лишь акцентированию внимания на идейном содержании второй ее части.

В этой главной части данной пословицы ударение падает на слово «начальство» (әкім), которое имеет определенное социальное значение. «Әкім» это не бий, не бек, не султан, не старшина, не волостной управитель и т. д., а все они вместе взятые. В более ранний период истории казахов начальствующие лица, как правило, обозначались в народе определенными титулами (бий, султан, бек и т. д.) и под этими титулами вошли в народное творчество, в пословицы. Общее для всех начальствующих лиц название — «әкім» — среди казахов стало более употребительным, когда отходили в прошлое некоторые из старых должностных названий в связи с тем, что появились новые: старшины и используемые ими должностные лица, волостной управитель и его аппарат, крестьянский начальник и другие, — все, кто связаны были с царской администрацией. Обращение к слову «әкім» вызывалось, следовательно, постепенным усложнением административно-управленческого аппарата, возникшего в

в период после присоединения Казахстана к России. Само это слово отразило социальные отношения нового периода. Вошедшее в быт народа с новым содержанием, оно начинает проникать в пословицы. Характерно, что в других жанрах казахского устного народного творчества того же времени это слово почти не встречается, а позднее появление его в пословицах подтверждается их текстами.

Более показательные примеры для решения этого вопроса мы находим в различных вариантах некоторых пословиц. Общеизвестная дореволюционная пословица «Күн ортақ, ай ортақ, әкім ортақ» («Солнце для всех, луна для всех и начальство для всех»), выражающая народные чаяния, народное стремление к справедливости, народный наказ «начальствующим», имеет еще другой вариант, опубликованный в XIX веке: «Күн ортақ, ай ортақ, жақсы ортақ». В этом варианте слова «начальство для всех» заменены другими: «хорошие [благородные] люди для всех», т. е. они ко всем одинаково должны относиться.

Как уже известно, слово «жақсы» (благородный) связано с традиционным мотивом специальной категории пословиц, в которых под «благородством» понималась одна из категорий патриархально-феодальной морали. Народ вложил в это слово свое содержание, но определенный отпечаток влияния на это понятие господствовавшей идеологии в народных пословицах остался. И в данном случае народ выражает свои чаяния относительно справедливости. Однако фактическое значение слова «жақсылар» подразумевало привилегированных людей. Кроме того, из содержания данной пословицы явствует, что здесь речь идет о справедливом судье, о справедливости при решении спорных вопросов.

В этом смысле содержание слова «жақсы» полностью совпадает с содержанием слова «әкім», если взять смысл каждого из них для своего времени. Ведь по старому казахскому обычаю спорные дела решались не только (и даже не столько) должностными лицами, сколько просто влиятельными людьми. Кроме того, сами должности в то время не имели такого четкого иерархического деления, какое они получили после присоединения Казахстана к России. Поэтому сведение их (всех этих должностей) в общее понятие «благородных» не случайное явление.

Итак, слово «әкім» отражает в своем содержании стадию более отчетливого разделения должностных лиц и факт выделения их из общей массы влиятельных (жақсылар) людей, хотя слово «жақсылар» впоследствии в какой-то степени распространялось и на них. Содержание слова «әкім» полнее отразило процесс социального расслоения среди казахов.

Тот же процесс наложил отпечаток на различные варианты пословицы «Әкімің соқыр болса, бір көзіңді қысып жүр» («Если начальник твой слеп, то и ты один глаз зажмурь»). Она опубликована в «Сборнике киргизских пословиц» Катаринского; в других, более ранних печатных источниках XIX века, приведены ее варианты, в которых вместо «начальника» фигурирует в одном случае «царь», а

в другом — «хан». Очевидно, эти варианты также отражают социальную эволюцию в казахском обществе, и приведенный нами вариант со словом «әкім», вместо «царя» и «хана», является более поздним.

В пословицах, опубликованных А. Васильевым, приведена следующая: «Өлеңді жерде өгіз семіз, даулы жерде әкім семіз, өлімді жерде молда семіз» («Где много осоки, там быки жирны; где много тяжбы, там начальство жирно; где много умирающих, там муллы жирны»). Данная пословица обычно употребляется без второй ее части — «где много тяжбы, там начальство жирно». Однако наличие такого варианта ее в письменных источниках XIX века лишний раз подтверждает высказанную нами мысль.

Наблюдая деятельность различного рода угнетателей, народ конкретизирует свою критику, адресуя ее конкретным носителям зла, называя пороки своими именами.

Борьба народа отражена не только в переосмысленных пословицах, но и в новых. Образцом новой пословицы на эту тему может быть следующая: «Әкіммен қарсы болсаң күнің жаман, молдамен қарсы болсаң дінің жаман» («Если ты будешь против начальства, то жизнь твоя будет несчастна, если ты будешь против муллы, то вера твоя будет нехороша»).

Приведенные нами примеры и связанные с ними выводы станут еще более убедительными, если привести ряд примеров, поясняющих роль вариантов в установлении этапов развития пословиц. В рукописях из архива Березина мы обнаруживаем пословицу: «Бектермен алысып болмас, терекпен күресіп болмас» («С беками невозможно тягаться, с осиной невозможно бороться»). К концу XIX века в другом источнике опубликован следующий вариант этой пословицы: «Билерменен ұрысып болмас, терекпенен күресіп болмас» («С биями невозможно спорить, с осиной невозможно бороться»).

В первом варианте речь идет о беках, а во втором — о биях.

Еще четыре варианта данной пословицы помещены в «Сборнике» Катаринского: «Байларменен алысып болмас, терекпенен күресіп болмас» («С богатыми невозможно тягаться, с осиной невозможно бороться»); «Баймен айтыспа, балуанмен күреспе» («С богатыми не тягайся, с борцом-силачом не борись»); другая редакция — «Болмағанға тырыспа, балуанмен күреспе» («За невозможное не берись, с борцом-силачом не борись»); «Белдіменен тіреспе, білегі жуанменен күреспе» («Не тягайся с сильным [влиятельным], не борись с толсторуким»).

В этих вариантах речь идет о баях, борцах-силачах (балуанах) и о сильных, влиятельных лицах вообще.

Группа только что приведенных вариантов пословиц тесно связана с предыдущей группой — о начальстве и муллах. Пословицей «Если ты будешь против начальства, то жизнь твоя будет несчастна, если ты будешь против муллы, то вера твоя будет нехороша» вполне можно пополнить и последнюю группу пословиц.

В этих вариантах, сатирически разоблачающих всех и всяческих

угнетателей народа в Казахстане до его присоединения к России совершенно ясно видно постепенное сгущение социальной направленности их содержания. Разве можно «борьбу с осиной» сравнить с борьбой против толсторуких? Или, например, слова «с богатым не тягайся» разве не отражают фактов более позднего времени, поскольку слово «айтыс» здесь употребляется не в смысле состязания, а в смысле тяжбы. «Айтыс» в последнем значении характерен не для старого времени, а для более позднего. Среди вариантов можно также отличить поздние от более ранних. Бесспорно, что вариант с «беком» стал малоупотребителен еще в XIX веке.

В последней группе вариантов, так же как и в предыдущей, с различной силой выражается народное обличение угнетателей. Но во всех случаях отражается подчиненное положение простых людей.

Только усилением социального расслоения, обострением классовой борьбы можно объяснить острую сатирическую направленность содержания приведенных выше пословиц. Они неодинаково звучали в период экономического застоя, например, в XV — XVI вв., и в период распространения в Казахстане рабочего движения. Сатира их передается путем иронии, образцом которой может служить пословица: «Аузы қыйсық болса да байдың ұлы сөйлесін» («Хоть и кривоготый, пусть говорит байский сын»).

Уместно отметить, что одной из важных задач, стоящих перед казахской фольклористикой в связи с приведенной категорией пословиц, становится борьба против ненаучных взглядов на разбираемые здесь художественные творения народа; в них часто не видят иронии и относят их к числу антинародных пословиц. Только небрежное отношение к лучшим образцам старого наследия может приводить к непониманию иронии и сарказма, содержащихся в этих пословицах, пригвождающих к позорному столбу эксплуататоров, угнетателей трудящейся казахской массы.

Развитие пословиц, которое находит отражение в их вариантах, можно проследить и на следующих примерах.

Первый пример. «Үйді қозғасаң көшірерсің, отты қозғасаң өшірерсің» («Если юрту тронешь [разберешь], то ее переставишь, а если огонь тронешь [расковыряешь], то он погаснет»); другой вариант: «Қоңсыны қозғасаң көшірерсің, отты қозғасаң өшірерсің» («Если человека зависимого от тебя тронешь [обидишь], то заставишь укочевать, а если огонь тронешь [расковыряешь], потушишь его»). Основное содержание первого варианта пословицы выражено ее второй частью, смысл которой сводится к тому, что горящий огонь не надо трогать: он может погаснуть. Пословица в этом смысле употребляется также и самостоятельно. Первая часть ее усиливает эту мысль на основе некоторой аналогии и придает пословице более совершенную форму тем, что окончание ее рифмует с окончанием второй части, и в обеих повторяется слово «қозғасаң» (тронешь).

Такое узко бытовое содержание пословицы становится резко усиленным, социально направленным во втором варианте, где вместо «үй» (кибитки) введен в пословицу «қоңсы» (зависимый сосед).

«Қоңсы» — это многочисленные бедные семьи, живущие в ауле богатого и экономически зависимые от него. Фактически они были зависимы и в политическом отношении. Например, во время выборов местных властей «қоңсы» обязательно брал сторону «своего» бая. Когда какая-нибудь из этих семей начинала почему-то не нравиться баю, последний принимался ее беспокоить, т. е. «трогать», как говорится в пословице, в результате чего обычно «қоңсы» оказывался вынужденным откочевать от этого бая. Именно такой случай запечатлен в пословице, что свидетельствует о широком распространении этой формы зависимости бедных людей от богатых.

Второй пример. «Аңшының кешіккеніне қуан» («Радуйся, если запаздывает охотник»); другой вариант: «Жолаушының кешіккеніне қуан» («Радуйся, если запаздывает путник [в данном случае член семьи или рода]»; третий вариант: «Базаршының кешіккеніне қуан» («Радуйся, если запаздывает поехавший на базар»). Вошло в традицию считать хорошим предзнаменованием (радоваться), когда охотник запаздывал, так как предполагалось, что его задержка вызвана удачной охотой, принесшей богатую добычу. Такая же надежда на благополучие вообще высказывалась и в тех случаях, когда ожидали не охотника, а просто путника. После появления базаров и усиления их значения в экономической жизни населения народ распространил, переосмыслил традиционное значение старой пословицы применительно к этому новому явлению. Внешнее сходство всех этих вариантов нисколько не умаляет значения того нового, что отражено в последней пословице.

Различные условия жизни и быта отражены в каждой из этих трех пословиц.

Своей простотой и душевностью отличаются стремления людей, запечатленные в пословице об охотнике.

На духовном облике человека, ожидающего находящегося в пути главу семьи или другого родственника, лежит отпечаток более сложных семейных, родственных и патриархально-феодальных отношений между людьми. Были такие путники, которых ожидали просто с благополучным возвращением. Но наряду с этим, было массовым явлением, когда путника ожидали с дарами или просто с удачей в таком деле, которое представляет интерес для данного человека, семьи, рода. В этих случаях успешность поездки была связана с выполнением всевозможных обычаев, опутавших, как паутиной, патриархального скотовода или земледельца казаха. Неудача в таких случаях зачастую грозила серьезными последствиями, по-разному отражавшимися на людях различного положения в семье и обществе.

Иное направление чувствуется в образе мыслей людей, ожидающих удачного возвращения члена семьи с базара. Это объясняется главным образом тем, что люди переносились своими помыслами в такую область жизни, которая была больше всего связана с развитием новых элементов в сознании людей, связанных с проникновением капитализма в казахскую степь.

Варианты пословиц не всегда являются только отражением исторического развития. Немало вариантов, отображающих разнообразие, многогранность самой общественной жизни.

В качестве примеров того, как отражалось в пословицах новое в быту народа в этот период, можно привести следующие пословицы: «Шай шынаяғы үш болар, үштен арғы үй иесіне күш болар» («Чай пьют по три чайных чашки, а если больше, то это уже тяжело будет для хозяина»)*; «Үйдің үлкені ыссыға жақсы, жолдың үлкені шанаға жақсы» («Большая изба хороша, когда жарка, большая дорога хороша, когда едешь на санях»); «Қазақта айран көп, орыста мейрам көп» («У казахов кислого молока много, у русских праздников много»)*; «Қажіге қарамай шелек те барады» («Паломничество совершит и кадка с дегтем»)*; «Жаз шанаңды сайла, қыс арбаңды сайла» («Летом сани готовь, а зимой телегу») и т. д.

Фигурирующие в приведенных пословицах чай, чайные чашки изба, езда на санях, упоминания о кислом молоке, праздниках у русских, о дегте, о санях и телегах — характеризуют те изменения в жизни народа, которые связаны с влиянием русской экономики и культуры.

Массовое применение в новых условиях рассматриваемого периода получили и те пословицы, которые связаны со скотоводческой практикой. Мы уже приводили выше пословицу, где быстрая лошадь фигурирует как предмет развлечения (катание на санях) при оседлом образе жизни. Новая пословица «Қасапшыға май керек, қара ешкіге жан керек» («Мяснику нужен жир, черной козе нужна жизнь») свидетельствует не только о том, что продукты скотоводства втянуты в торговый оборот вообще, но и о том, что сложился уже торговый быт среди оседлой и полуоседлой части казахов.

Значительным фактом в развитии казахских пословиц в данный период надо считать бытование пословиц, отразивших изменения в хозяйстве казахов в связи с разведением крупного рогатого скота, ставшего важным источником существования для населения.

Во-первых, к условиям перекочевок на значительное расстояние с безводными переходами крупный рогатый скот абсолютно не приспособлен. Поэтому в составе кочевого скотоводческого хозяйства казахов он не занимал большого места. Об этом свидетельствуют данные из истории казахов.

Во-вторых, о позднем происхождении пословиц, отразивших это изменение в хозяйстве казахов, можно судить по текстам пословиц. Например, пословица «Әңгіме бызау емізер, бызау таяқ жегізер» («[Праздные] разговоры приведут к тому, что телята высосут коров, а это приведет к тому, что будешь бит [наказан]») отражает явления, типичные для оседлого образа жизни. При оседлом и полуоседлом образе жизни населения коровы угонялись дальше от аула, а отнятые от них телята паслись невдалеке. Последних пригоняли в аул и привязывали раньше, чем возвращались коровы. Эта работа почти исключительно вменялась в обязанность женщинам. Иногда бывали случаи, когда женщина не успевала изолировать

телят от коров и тем самым не могла обеспечить сохранность одного из основных источников пропитания семьи — молока (иногда это случалось в результате того, что женщины, увлекшись разговорами между собой, забывали свою обязанность). На этой почве очень часто возникали семейные ссоры, муж наказывал жену, о чем и идет речь в пословице. Выводы из этой бытовой практики пословица распространила на все случаи, когда человек, отвлекаясь от выполнения своего долга, может испортить дело. Вне практики использования коров в оседлом и полуоседлом хозяйстве данная пословица не могла сложиться.

Возьмем еще следующие две пословицы: «Айран ішкен құтылар, шелек жалаған тұтылар» («Кто само кислое молоко выпил, тот остался непойманным, а тот, кто только остаток вылизывал из кадки, где было кислое молоко,—пойман»); «Айран сұрай келіп шелегіңді жасырма» («Раз пришел выпрашивать кислое молоко, не прячь кадку»). Первая пословица употребляется в смысле: главный виновник остался не пойманным, ненаказанным, и за него страдает невинный человек. Смысл второй пословицы таков: раз пришел с определенным намерением (или: раз имеешь определенное намерение), нечего его скрывать.

Из приведенных пословиц мы видим, что кислое молоко содержалось в деревянных кадках, применение которых в постоянных кочевых условиях было совершенно неприемлемо.

Последняя пословица отражает экономическую зависимость бедняка от перешедшего к оседлому или полуоседлому образу жизни бая. Иногда неимущие казахи всей семьей работали на бая лишь для того, чтобы пользоваться остатками прокисшего молока, которое скупо отмерял им бай. Это было элементарно необходимое жизненное средство, из-за которого бедная семья крепкими узами была привязана к богатой иногда в течение десятилетий, а то и на протяжении жизни нескольких поколений.

В-третьих, одним из замечательных явлений в развитии казахской народной поэзии, имеющим прежде всего историко-познавательное значение, является то, что в развитии поэтических произведений, отражающих занятия населения животноводством, преломилось и отношение казахов к каждому виду скота в зависимости от его роли в хозяйстве. В народной поэзии самое большое внимание и любовное отношение проявлялось к лошадям. Поэтизировались также различные положительные качества овец и верблюдов, подчеркивалась сила и выносливость верблюдов; шуточно-пренебрежительное отношение проявлялось по отношению к козам. На основе всего этого сложилось традиционное поэтическое отношение к каждому виду домашних животных. Оно проявлялось и в том случае, когда входил в хозяйственную практику новый вид скота, и эта практика внедрялась в быт народа.

Такая поэтическая тенденция закреплялась и в пословицах. В данном случае мы хотим показать на примерах пословиц отношение поэтической традиции к новым явлениям в хозяйстве казахов.

Длительная практика кочевого скотоводства, в которой почти не использовался крупный рогатый скот, обусловила пренебрежительное отношение к нему, что нашло отражение в следующих пословицах: «Адамға тілінен, сыйырға мүйізінен» («Человеку за язык, корове за рога [достается]»); «Сыйыр судан жериді, су сыйырдан жериді» («Корова пренебрегает водою, а вода — коровою»); «Сыйыр өз тілінен өзі қыршаңқы болады» («Корова получает чесотку от своего языка [т. е. от того, что часто облизывается]»); «Есекке жүк артқанмен түйе болмас, сыйырды жиі сауғанмен бие болмас» («Хотя и навьючишь на ишака груз, он все равно верблюдом не станет; хотя и часто будешь корову доить, она все равно кобылицей не станет»); «Сыйыр сыйлағанды білмейді» («Корова не понимает уважения»).

Со словами «корове — за рога» сравнивается: человеку — за болтливый, острый язык. Следовательно, здесь на основе отрицательного отношения к корове создан отрицательный образ, что не характерно для отношения к другим видам животных.

В следующей пословице высмеивается пренебрежительное отношение человека к другому человеку, стоящему по своим личным качествам выше него. В основе пословицы лежит такая особенность коровы, как ее разборчивость в выборе питьевой воды. При этом аналогичная особенность лошадей расценивается как проявление благородства.

В пословице «Корова получает чесотку от своего языка» отражен, видимо, тот факт, что корова часто облизывает себя языком. Ставшее уже традиционным пренебрежительное отношение к корове приводит и здесь к созданию отрицательного образа. Пословица применяется для осуждения придирчивости, злословия.

В предпоследней пословице корове прямо противопоставляется кобылица как более привычный вид скота. Пословица в своей основе исходит из того факта, что кобылица доится очень часто, а корова — значительно реже.

Все эти пословицы основаны на исконном пренебрежительном отношении к рогатому скоту и традиционном превознесении видов скота, связанных с кочевым хозяйством.

Из всего этого видно, что крупный рогатый скот занял видное место в хозяйстве казахов, и молочные продукты становились даже основным источником существования для известной категории населения по мере упрочения оседлости и полуоседлости в казахской степи. Маломощному оседлому хозяйству выгодна бывала прежде всего корова. Крупный рогатый скот использовали также в качестве тягловой силы.

С этой явно усиливавшейся в изучаемый период стороной хозяйственной жизни казахов связаны, например, следующие пословицы: «Өгіздің басына туған, бызаудың басына да туады» («Что быку достанется, то и теленку»)*; «Біреудің бызауына дегенің өзіңнің өгізіңе» («Ваше злое пожелание чужому теленку обратится

против вашего быка»); «Сыйыр су ішкенде бызау мұз жалайды» («Когда корова воду пьет, теленок лижет лед»)* и т. д.

Характерным для этой категории пословиц является отсутствие в них той резко выраженной патриархально-феодальной морали, какую можно наблюдать очень часто в пословицах, связанных с трудовой практикой в других отраслях скотоводства.

Обобщенным отражением многих глубоких изменений в быту народа надо считать пословицы, связанные с городским образом жизни.

Факт расширяющегося общения аула с городом, факт эксплуатации аульного казахского населения городом и враждебное отношение этого населения к нему мы замечаем по следующим пословицам: «Қаласы жақын байымас» («Кому близок город, тот богатым не будет»); «Бір күн қалаға барғаннан үш күнге шейін ақыл сұрама» («Кто был один день в городе, у того до трех дней не спрашивай совета»).

Значение этих пословиц становится еще более понятным, если приведем более ранний вариант последней пословицы: Бір күн ашыққаннан үш күн ақыл сұрама» («Кто один день голодал, у того до трех дней не спрашивай совета»). Содержание этой пословицы таково: у голодавшего нельзя спрашивать совета потому, что от голодания он потерял способность здраво мыслить. В этом же духе осмыслена в вышеприведенном, более новом варианте данной пословицы городская обстановка: то ошеломляющее действие, которое она производит на аульного жителя. Вывод из этой пословицы усиливается выражением открытой враждебности к городу, которое содержится в ней: «Қаласы жақын байымас» («Кому близок город, тот богатым не будет»).

Одним из значительных результатов общения с русскими надо считать прямое калькирование казахами русских пословиц. Калькированными являются, например, следующие пословицы: «Тыйын теңгені сақтайды» («Копейка рубль бережет»); «Мың сомың болғанша, мың досың болсын» («Чем иметь тысячу рублей, лучше иметь тысячу друзей»).

О калькированном происхождении их говорит не только принадлежность к той категории казахских пословиц, которая, как уже отмечено выше, получила развитие под влиянием проникновения в казахские аулы торговых отношений, но и тот факт, что слова «тыйын», «теңке» возникли в казахском языке как обозначения русских слов «копейка» и «рубль». Относя указанные пословицы к калькированным, мы не видим в то же время оснований относить к ним, например, следующие пословицы, совпадающие почти дословно с соответствующими русскими пословицами: «Қызыл тілде сүйек жоқ» («Язык без костей»); «Құрғақ қасық ауыз жыртар» («Сухая ложка рот дерет»); «Соқыр тауыққа бәрі бидай» («Слепая курица все принимает за пшеницу»); «Бала атадан туады, ақыл өзінен туады» («Сын мой, а ум у него свой»); «Не ексең, соны орарсың» («Что посеешь, то и пожнешь»); «Аш қадірін тоқ білмес»

(«Сытый не разумеет голодного»); «Балық басынан сасиды» («Рыба с головы гниет») и т. д.

Приведенные нами многочисленные пословицы, связанные с трудовой и социальной практикой народных масс в области земледелия, торговли, животноводства, народного быта, социальных отношений и т. д., являются различными проявлениями одного общего процесса культурного развития казахов, процесса, охватывающего в изучаемый период не только пословичный жанр, но и все устно-поэтическое народное творчество, всю духовную жизнь народа. Поэтому сделать определенные выводы о характере развития казахских пословиц можно не только на основе изучения самих пословиц, но также исходя из новых взглядов на пословицы со стороны общественности в то время.

Собирательская работа русских ученых Потанина, Диваева, Березина, Васильева, казахских просветителей Ч. Валиханова, И. Алтынсарина и многих других свидетельствует об увеличивающемся интересе к пословицам в связи с усилением их общественного значения. Наиболее характерными являются взгляды Абая Кунанбаева на пословичное наследие казахского народа.

Прежде всего, следует отметить дифференцированное отношение Абая к этому наследию. В своем «Двадцать девятом слове» Абай пишет следующее: «Біздің қазақтың мақалдарының көбінің іске тапырлыгы да бар...» («Из наших казахских пословиц есть много хороших»)[1]. Далее в этом «Слове» и в «Пятом слове» он подчеркивает и неудовлетворительность отдельных пословиц, например: «Әуелі түстік өмірің болса, күндік мал жый» («Дана тебе жизнь на полдня, а средства к жизни имей на целый день»); «Өзіңде жоқ болса әкеңде жат» («Если сам не имеешь состояния, то для тебя и отец чужой»); «Атың шықпаса жер өрте» («Если безвестен, то подожги поле»)*; «Ата-анадан мал тәтті, алтынды үйден жан тәтті» («Богатство слаще отца и матери, душа слаще золотого дома»); «Жарлы болсаң арлы болма» («Если беден, то не будь гордым»); «Қалауын тапса қар жанар» («Если поджигать с умением, то и снег загорится»)*; «Сұрауын тапса адам баласының бермейтіні жоқ» («Если умело попросить, то нет ничего, чего бы не отдали») и др.

В этих пословицах Абай видит тенденцию к жадности, эгоизму, хитрость, бахвальство и т. п. Отвергая эти пословицы, Абай особенно отстаивает трудолюбие.

На пословицу Абай смотрит с точки зрения характерных для него просветительских идей. Попытка Абая свои просветительские взгляды непосредственно перенести на вопрос об унаследованных пословицах, стремление его к критическому освоению казахского пословичного наследия играют важную роль в деле определения общественного значения пословиц во вторую половину XIX века. Абай обращается к пословице как к средству борьбы за свои про-

---

[1] Абай Кунанбаев. Собр. соч. в одном томе. Гослитиздат, 1954, стр. 373.

грессивные взгляды. Он обращает, между прочим, внимание на практику применения пословицы:

«Ескі бише отырман бос мақалдап,
Ескі ақынша мал үшін тұрман зарлап,
Сөз түзелді тыңдаушы сен де түзел,
Сендерге де келейін енді аяңдап»[1].

(«Как старый бий пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай[2]»).

Если в своих «Словах» Абай подвергает критике некоторые старые пословицы, то в приведенных стихах он осуждает человека, применяющего пословицу по-старому, осуждает бессмысленное или вредное применение ее в новой обстановке. По взглядам Абая, должны быть новые «исполнители» пословиц, должна быть новая практика их применения. Эти высказывания Абая указывают на борьбу нового со старым в развитии казахских пословиц.

Абай требует от пословицы и ее применения бо̀льшей социальной направленности, отвечающей бо̀льшей сложности общественной жизни своего времени. Из цитированного стихотворного отрывка ясно видно, что пословице Абай придает такое же социальное значение, какое он придавал поэзии. А в области поэзии, как известно, Абай был великим новатором, оставившим глубокий след в истории казахской литературы.

Впрочем, и суждения Абая о пословицах не свободны от некоторых противоречий, характерных для его взглядов. Он не построил свои суждения о пословицах на строго отобранных материалах, а высказал по поводу отдельных пословиц назревшие у него взгляды на жизненные явления того времени. Он не вникал детально в сущность каждой взятой им в качестве примера пословицы. Абай не мог подняться до социально-дифференцированного подхода к пословицам. Кроме того, свои просветительские взгляды на пословицы и их применение он облекает иногда в открыто религиозную форму.

Свои взгляды Абай облекает иногда и в пословичную форму, включаясь в дело создания новых пословиц: «Қайғысыздан сақ бол, қайғылыға жақ бол» («Избегай беззаботного, утешай озабоченного»); «Бақпен асқан патшадан мыймен асқан қара артық, сақалын сатқан кәріден еңбегін сатқан бала артық» («Простолюдин, прославленный за ум, выше царя, увенчанного счастьем; юноша, продающий свой труд, достойнее старика, торгующего своей бородой») (т. е. старающегося жить за счет уважения его как старшего).

Обе пословицы являются пламенным призывом к труду. Абай

---

[1] Абай Құнанбаев. Шығармаларының толық жыйнағы. Т. 1. Алматы, 1954, 56 б.

[2] Абай Кунанбаев. Собр. соч. в одном томе. Гослитиздат, 1954, стр. 84.

противопоставляет ум и труд паразитическому существованию, патриархально-феодальным обычаям.

Эти и ряд других афоризмов Абая теперь вошли в репертуар казахских народных пословиц.

Многие казахские пословицы Абай внес в свои произведения в переосмысленном виде, применяя их в своих просветительских целях. Осуждая, например, двуличие, двурушничество, Абай пользовался казахскими пословицами как художественными средствами.

Ұрлық пенен қулыққа
Байлаганда кестің бау
Берерменде бесеусін,
Аларманда және алтау[1].

Қайта келер есікті
Қатты серппе, жарқын-ау!
Жетілсең, жетсең де
Керек күні бір бар-ау.[2]

(Умеешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять
целковых.
Из-под наездника чепрак
Ты стащишь, вороват и ловок[3].)

(Не хлопай сильно дверью той,
В какую (всяко может статься)
Еще придется постучаться
В час неожиданно крутой.[4])

Старые пословицы: «Аларманға алтау аз, берерменге бесеу де көп» («Тому, кто получает, шесть кажется малым, тому, кто отдает, и пять кажется многим»), «Қайтып кірер есігіңді қатты жаппа» («Дверью, к которой придется вернуться, не хлопай») Абай применяет не в старом их значении как бытовое назидание, а призывает с их помощью к честности, правдивости.

Творческое использование народных пословиц в казахской письменной литературе и обратное влияние последней на дальнейшее развитие пословиц в основном начинается с творчества Абая.

Влияние письменной литературы сказывалось зачастую и в ускорении процесса архаизации пословиц. В свете казахского просветительства, нашедшего наиболее яркое выражение в области художественного творчества в произведениях Абая, многие понятия, закрепленные в пословицах, уже теряли свое прежнее общеупотребительное значение. Показательным примером в этом отношении могут быть пословицы, выражающие отношение народа к искусству слова. Несмотря на то, что это искусство не только не пошло на убыль, но получило еще большее развитие, оно уже не могло играть в культурной жизни народа ту же роль, какую играло раньше, до появления призывов просветителей к образованию, к науке и т. д. Пословица «Өнер алды—қызыл тіл» («Самое лучшее из искусств—это искусство слова») уже устарела, получила архаический оттенок. Абай указывал на процесс архаизации подобных пословиц. В народе

---

[1] Абай Құнанбаев. Шығармаларының толық жыйнағы. Т. 1. Алматы, 1954, 70 б.

[2] Там же.

[3] Абай Кунанбаев. Собр. соч. в одном томе. Гослитиздат, 1954, стр. 328.

[4] Там же, стр. 373—374.

неудачные, неуместные и непристойные слова осуждаются пословицей «Ұялмас бетке талмас жақ бітеді» («Бесстыжий человек имеет неустающие челюсти [т. е. он непрестанно говорит]»). В своем «Тридцатом слове» Абай и эту пословицу использовал с позиции просветительства, применяя ее для осуждения пустословия, бахвальства.

* * *

Русское влияние на развитие казахских пословиц в период после присоединения Казахстана к России огромно. Мы старались показать это влияние, раскрывая его исторические и идейно-теоретические корни, иллюстрируя наши взгляды ограниченным количеством характерных для каждого отдельного случая примеров; использовать полностью большое количество имеющихся материалов не позволял объем данной работы. Отдельные вопросы изучения казахских пословиц могут являться темами для специальных исследований, могущих потребовать привлечения более обширного иллюстративного материала. Однако мы считаем что примеры, которые можно привлечь вновь для более углубленного раскрытия частных вопросов истории казахских пословиц, не дадут поводов для пересмотра высказанных взглядов. Основы исследования останутся те же.

Произведенный в настоящей работе анализ охватывает процесс развития казахских пословиц до Великой Октябрьской социалистической революции. После революции этот процесс не только не замедлился, но явно усилился. Сказалось тут могучее влияние качественно новой, социалистической действительности. Проблема освоения наследия казахских пословиц в советский период является особой проблемой, требующей специального изучения.

Итак, анализ фактического материала показывает, что в результате присоединения Казахстана к России произошел значительный перелом в развитии казахских пословиц, перелом, который был характерен и для других областей народного творчества. Это свидетельствует о том, что достигнутый уровень развития пословиц является проявлением активного литературного процесса, который лег в основу возникновения в данный период казахской письменной литературы.

О том, что этот прогресс был характерным и для других областей народного творчества, мы можем сделать конкретные выводы уже на основе того, что наблюдается много общего между настоящим анализом и анализом героических эпосов. Мы убедились в том, что уровень и характер литературного процесса в обоих случаях в основном аналогичны, а решающим фактором (что самое главное), в конечном счете обусловившим этот процесс, оказывается внедрение в быт значительной части казахов земледелия, торговли, оседлого образа жизни вообще.

Для иллюстрации этих выводов приведем ряд примеров еще из одного жанра устной поэзии — из загадок.

В папках загадок, хранящихся в рукописном фонде научной биб-

лиотеки АН КазССР, имеется много загадок, отражающих то новое, что внес в жизнь казахов изучаемый нами период. Большинство этих рукописных материалов собрано в последнее время и потому нельзя брать их как отражение народного сознания и быта в XIX веке, не подвергая предварительно определенному анализу, а это удлиняло бы наше исследование. Целесообразнее брать примеры из печатного источника, относящегося к XIX веку. В качестве такого источника мы берем труд А. В. Васильева «Образцы киргизской народной словесности»[1].

В этом издании А. В. Васильев опубликовал 105 казахских загадок, которые, по его определению, «касаются: 1) явлений мира физического, 2) животных, 3) человека, его жилища и предметов его окружающих». Затем автор отдельно дает 11 загадок религиозного содержания[2] и 7 загадок в песнях-айтысах.

Из разных явлений, охваченных этими загадками, самое большое количество загадок падает на область животноводства. Много также загадок на предметы быта кочевого народа и на окружающую его природу.

На общем фоне картины кочевого образа жизни нетрудно различить и то новое для описываемого периода, которое мы проследили в предыдущих жанрах.

Прежде всего бросается в глаза малочисленность земледельческих загадок. Эти загадки следующие:

Көк лақ байлауда жатып семіреді.

Қарбыз

Серый [зеленый] козленок и на привязи толстеет.

Арбуз

Бір нәрсе өзі жансыз, жоқтұр жағы,
Бір тарау ортасында байлағаны,
Өзінің жұтатұғын көмейі жоқ,
Қалады жерге түсіп шайнағаны.

Термен

Есть вещь — неживая и не имеет сторон [т. е. круглая],
Она к стволу в центре прикреплена,
У нее нет глотки, чтобы проглатывать,
То, что она жует, высыпается на пол.

Мельница

Бір нәрсе асты-үсті алты қақпақ,

Есть вещь из шести крышек — нижних и верхних[3],

---

[1] А. В. Васильев. Образцы киргизской народной словесности. Выпуск второй. Киргизские загадки. Оренбург, типо-литография Ф. Б. Сачкова, 1900.

[2] По поводу этих загадок автор оговаривается: «Это — в большинстве произведения киргизских грамотеев, мулл».

[3] Очевидно, это строка имеет еще такой вариант: «бір нәрсе асты қақпақ, үсті қақпақ» («Есть вещь, состоящая из нижней и верхней крышек»); речь идет о нижнем и верхнем камне мельницы. Крышками эти круглые камни называются по аналогии с круглой деревянной крышкой от котлов. Другого слова для обозначения, видимо, не было. Судя по казахскому тексту, надо полагать, что слово «шесть» (крышек) в вариант, приведенный Васильевым, введено для созвучия.

Бұл бәнде ырыздығын онан таппақ,
Бұлт алып айналасы күркіресе,

Қар жауып арасынан толады аппақ.

Термен

Там человек найдет себе пропитание.
Если вокруг нее загремит гром и появятся тучи,
То между крышками сыплется много белого снега.

Мельница

Предметам, используемым в торговом обиходе, посвящены следующие загадки:

Кішкене ғана безер,

Дүниені кезер.

Ақша

Маленькая отчеканенная вещица,
А бывает везде и всюду.

Монета

Бір нәрсе басы жұмыр сабағы бар,
Тұрмайтын дастарқанға табағы бар;
Талғамайды не берсең де жей береді,
Тоятын қырық асаса тамағы бар.

Безбен—таразы

Есть вещь, которая имеет рукоятку с округленным концом,
Чашки, которые не ставятся на скатерть;
Ест она все, что ни дашь — без разбору,
И насыщается лишь тогда, когда примет 40 горстей пищи.

Безмен

Алты аяғы бар,
Талдан таяғы бар,
Арқасында құйрығы бар,
Алдадан бұйрығы бар.

Безбен—таразы

О шести ногах,
С ивовой палкой,
На спине у него хвост,
[Поступает] по божьему повелению.

Безмен

Бір хайуан тоқсан қабат терісі бар
Күндіз-түн байлайтұғын желісі бар.

Хайуан деп айтсамдағы жаны жоқты,
Аяқсыз сол хайуанның кемісі бар.

Бөз

Одно животное имеет 90 шкур;

Есть у него стойло, к которому оно днем и ночью привязывается.
Хотя я и назвал его животным, оно не живое
И без ног — это его недостаток.

Бязь

К загадкам такого типа примыкает и следующая:

Ә, керемет бір ит бар:
Үй бағады — үрмейді;

Вот чудо! Есть такая собака:
Караулит дом, но не лает,

Аяғы жоқ жүрмейді;
Көмейін тықсақ, сөйлейді;

Тілін адам білмейді;
Рұхсатсыз сол иттен
Адам үйге кірмейді.

Кілт

Не ходит, так как без ног;
Если заткнешь ей горло, заговорит;
Языка ее никто не знает;
Без позволения этой собаки
В дом никто не может войти.

Замок

Оседлый образ жизни отражен также и в загадках, связанных с применением в хозяйстве телеги:

Арбадан ақ күшігім қарғып түсті.

Түкірік

Белая собачка спрыгнула с телеги.

Плевок

Ізі бар, адымы жоқ аяғының,

Тимейді үші жерге таяғының;

Хайуанға екі аяғын арта салып,
Келеді сөзін сөйлеп баяғының.

Арба

Ее ноги оставляют след, но не шагают,
Концы ее палок не достают земли,
Накинув две ноги[1] на животное,
Идет, повторяя одно и то же слово[2].

Телега

Из предметов, вошедших в быт казахов в результате общения с русскими, самое большое отражение в этих загадках получили самовар, чайные чашки.

Көзіме көрінеді сары болып,
Ішінде от пен суы жары болып;

Төрт аяғы түйенің табанындай,

Екі құлағы—шошқаның қабанындай.

Самауыр

На вид кажется желтым,
Внутри наполовину огонь, наполовину вода,
Четыре ноги похожи на верблюжьи лапы,
А два уха, — как у кабана.

Самовар

Тұрады кісі келгенде сары болып;
От пенен су тұрады жары болып;
Ішінде қазнасы сап-сары алтын.
Жақсылап бөліп алады бәрі барын;
Түйенің төрт табанындай табаны бар,

Когда приходят люди, стоит нечто желтое,
Его половина—огонь, половина—вода,
Внутри сокровище — чистое золото,
Все это поделят между собою благородные люди;
У него четыре лапы, как у верблюда,

---

[1] У А. В. Васильева — «две ноги», но еще говорят: «обе руки», что, как нам кажется, больше подходит к содержанию загадки.

[2] Еще говорят: «повторяя одну и ту же песенку».

Қейкейде мойнын салады кәрі болып
Ашып көретұғын есігі бар,
Дем тартып шығатұғын тесігі бар.

Самауыр

Иногда опускает голову, немного состарившись;
Вещь эта имеет дверь, которая отворяется;
Есть у нее и отверстие, через которое выходит пар.

Самовар

Бір сәнді бір пара жан жүрген нағып;
Киімін мінсіз ғылып пішкен нағып:
Киімі бөрік-тақыя, бір қамзол;
Алыпты екі иніне үкі тағып.

Самауыр

Одно нарядное существо, а что оно делает!
Как искусно скроена его одежда:
Шапка-тюбетейка и камзол,
На плечах два пера филина.

Самовар

Тұтқасы бар ұстайтын,
Алақандай жерге қыстайтын;
Сағат болмай көшеді,
Тиіп кетсең ұшады.

Шынаяқ

Есть вещь с ручкою,
Зимует она на земле — с ладонь;
Часа не пройдет, как она перекочует с одного места на другое,
Если тронуть — разобьется.

Чайная чашка

Так же как в пословицах, к загадкам, отражающим полуоседлый или оседлый образ жизни, надо отнести те, которые связаны с использованием в хозяйстве рогатого скота.

Қара сыйырым қарап тұр,
Қызыл сыйырым жалап тұр.

Қазан мен от

Черная корова спокойно стоит,
А красная [ее] лижет.

Котел и огонь

Екі үйге — бір көсеу.

Сыйырдың тілі

На два дома — одна кочерга.

Язык у коровы

Қараша үйге қар жұқпас.

Сыйырдың мүйізі

К темной кибитке снег не пристает.

Рога у коровы

Ел жатса да — енекем жатпас
(Немесе: Ел жатса да, екі батыр жатпайды).

Сыйырдың мүйізі

Все лягут, а бабушка не ляжет.
(Или: Все лягут, а два богатыря не лягут).

Рога у коровы.

Мы привели только такие примеры загадок, которые сами со-

бой понятны в свете произведенного анализа героических эпосов и пословиц и не требуют дополнительных разъяснений. Считаем нужным обратить внимание лишь на следующее обстоятельство. В раскрытии, а следовательно, и в осмыслении тех или иных явлений, изучаемых нами, существенную роль играют своеобразные отличительные черты каждого из различных жанров устной поэзии. Они все больше и больше углубляют решение одного и того же вопроса, показывая его в новых аспектах. В этом отношении примеры из загадок имеют существенное значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

Страница 13

«Түбі бірге түтпейді» («Те, которые от одного предка [т. е. родственники], не оставляют в обиде друг друга»). Пословица была наиболее употребительна в тех случаях, когда нужно было способствовать смягчению возникавшего между родственниками разлада.

«Атасы басқамен аң аулама, атар да жанына байлар» («С человеком из чужого рода на охоту не ходи: он застрелит зверя и себе его возьмет»). Этой пословицей подчеркивался любой нехороший поступок со стороны человека из чужого рода.

Страница 14

Рулының оғы қалса жоғалмас, жалғыздың жағы қалса табылмас» («У того, кто имеет род, забытая стрела не пропадет, а у одинокого забытый лук, и тот пропадет»). Слова «рулы» (имеющий род) и «жалғыз» (одинокий) можно понимать и в таком смысле: «человек из многочисленного рода» и «человек из немногочисленного рода».

Страница 18

«Таяқ тайға жеткізеді, тай атқа жеткізеді, ат мұратқа жеткізеді» («С палкой в руках [т. е. трудясь] добудешь годовалую лошадку, лошадка станет лошадью, а с лошадью придет счастье»). Кто много ходил пешком, не имея рабочего скота, тот обычно прибегал к помощи палки. Для такого человека наиболее доступным способом обзавестись лошадью, верблюдом и т. д. было выращивание их из молодняка. Это и нашло свое отражение в данной пословице. Основное содержание пословицы заключено в ее первой части: «с палкой в руках добудешь годовалую лошадку». Здесь слово «палка» употреблено в иносказательном значении. Смысл этого выражения таков: напряженная работа, большой, кропотливый, настойчивый труд могут доставить благополучие; лошадку надо выходить, выстрадать.

Остальная часть пословицы — «лошадка станет лошадью, а с лошадью придет счастье» — завершает основную мысль, заключенную в ее первой части, но здесь иносказание уже слабее. Сходна с содержанием этой части пословицы и другая пословица: «Жабағы — тай деп қорлама, жазға шықса ат болар» («Не пренебрегай жеребенком, на лето будет лошадь»). Эти пословицы вполне применимы и сейчас как народные изречения, призывающие к трудолюбию, к лучшему уходу за животными. Они употребляются и в том смысле, что в каждом

деле надо настойчиво добиваться хотя бы малого, но постепенно возрастающего успеха.

Страница 19

«Тамыр тартқан тарықпас» («Кто доит, тот не терпит нужды»). Пословица отражает жизнь бедной части населения, страдавшей от недостатка пищи и постоянно стремившейся обеспечить себя минимумом средств. В тех случаях, когда речь шла о зажиточной семье, не употреблявшей молока как одного из основных средств существования, данная пословица не была применима. Употребление ее в таких случаях могло быть воспринято даже как унижение, оскорбление чести «порядочного» человека, который считает ниже своего достоинства проявлять заботу о «хлебе насущном».

«Таңдағы піскен құйрықтан, әзіргі шикі өкпе артық» («Сырое легкое, которое можно получить сейчас, лучше завтрашнего сваренного курдючного сала»). Среди казахов, употреблявших мясо как основной продукт питания, особенно при кочевом образе жизни, выработано своеобразное традиционное отношение к различным частям туши животного, различаемым в основном по названию костей и внутренних органов животного. Например, самой почетной частью туши барана считается его голова, и она подается наиболее почетному гостю или старшему в семье. Челюсти от головы полагаются почетной пожилой женщине; почки, уши, сердце — детям и т. д.

Согласно этим традициям, курдючное сало также относится к самым уважаемым, а легкие — к менее уважаемым частям бараньей туши. В соответствии с этим они и введены в данную пословицу.

Иносказательное значение разбираемой пословицы таково: соблазняясь заманчивым большим, которое может оказаться недостижимым, не прозевай того малого, что является реальным.

В пословице легко улавливается настроение простых людей, ценящих свою скромную жизнь.

«Жақсы атқа бір қамшы, жаман атқа мың қамшы» («Хорошую лошадь приходится один раз ударить, а плохую — тысячу раз»). Иносказательный смысл пословицы таков: понимающему достаточно один раз сказать, а непонимающий заставляет тысячу раз повторить одно и тоже.

«Қойды жел ұшырса, ешкіні аспанда көр» («Если барана приподнимет ветер, то козу увидишь в небе»). В пословице сравнивается спокойное поведение овец и неспокойное поведение коз, и это шутливо переносится соответственно на мужчин и женщин. Пословица приводилась преимущественно в тех случаях, когда мужчина не сумел показать бо̀льшей, чем женщина, выдержки в каком-либо деле. Но она могла быть применена и для осуждения вообще не проявившего выдержку человека, на которого возлагались бо̀льшие надежды, чем на других участников какого-нибудь дела.

«Ат баспаймын деген жерін үш басар, ер көрмеймін деген жерін үш көрер» («Лошадь три раза ступит на землю, на которую она не думала ступать, а молодец три раза увидит землю, которую никогда не думал видеть»). Основная идея пословицы заключена во второй части — «молодец три раза увидит землю [местность], которую никогда не думал видеть», а первая часть только усиливает вторую. Пословица употребляется как утешение или объяснение (в смысле: «все бывает») в тех случаях, когда человеку приходится бывать там, где он и не думал никогда быть. Пословица призывает к бодрости, решительности, преодолению трудностей, к тому, чтобы не пасовать ни при какой неожиданности.

«Қойшы көп болса, қой арам өледі» («Где много пастухов, там овцы погаными мрут»). Если по какой-либо причине овца подыхает, то, по обычаю казахов, надо выпустить ее кровь через горло, иначе мясо овцы считается поганым — его не едят. Не поступить таким образом — значило нанести урон хозяйству. Такие случаи имели место, когда пастухи, надеясь друг на друга, забывали о своей

обязанности. Этот обычай, облеченный в художественный образ, стал символом осуждения недобросовестного, халатного отношения к своим обязанностям вообще. Пословица предостерегает от такого случая (или осуждает, если это уже случилось), когда люди, надеясь друг на друга, могут испортить дело.

«Астауына қарай қауғасы» («По корыту и бадья»). Пословица обобщает трудовую практику, при которой скот приходилось поить из колодца. Где много скота и корыта большие, там и бадья должна быть большая, а где маленькое корыто — маленькая бадья. Это обобщенное понятие переносится на общественную жизнь и поступки людей в том смысле, что одно должно сообразоваться с другим.

«Арық атқа қамшы ауыр, жыртық үйге тамшы ауыр» («Тощей лошади и плеть тяжела, убогой кибитке и капли тяжелы»). Переносный смысл пословицы таков: маломощному хозяйству трудно нести и малые расходы, слабому человеку тяжело переносить и небольшие трудности, морально убитого человека донимают и малые неприятности и т. д. Мораль пословицы: нужно внимательно, чутко относиться к человеку.

«Түйедей бой бергенше түймедей ой бер» («Лучше иметь ума величиной с пуговичку, чем иметь рост величиной с верблюда»). Пословица чаще всего приводится для дружеского упрека, наставления в смысле: сам большой, а ума-то мало. Применяется и для серьезного осуждения чьего-либо глупого поступка.

Страница 20

«Қаршыға қазан толтырар, ит алғыры ат өлтірер» («Ястреб котел наполняет, хорошая [борзая] собака лошадей загоняет до смерти»), т. е. с ястребом много можно наловить дичи, а пустив лошадь за быстрой собакой, можно лошадь загнать. Видимо, пословица оттеняет преимущества охоты с ястребом перед охотой с собакой.

«Балық жеген тоқ болар, дәрмені жоқ болар» («Кто рыбу кушает, тот сыт, но сил у него бывает мало»). Пословица, очевидно, имеет целью показать преимущества мяса перед рыбой. В суровых условиях кочевой жизни самой почетной пищей скотовода-кочевника было жирное мясо. Рыбная пища не могла восстанавливать в достаточной степени его сил.

«Бүркіт қартайса тышқан аулар» («Когда беркут состарится, он ловит мышей»). Самым распространенным видом охоты среди казахов была охота с помощью прирученных хищных птиц: беркута, ястреба и др. Такая охота предпринималась не столько с промысловой целью, сколько с развлекательной. Ездить на охоту с хищной птицей было принято среди знатных людей. Были и такие охотники, которые развлечение сочетали с выгодой от ловли дичи и занимались ею всю жизнь. На этой основе среди казахов появились охотники-профессионалы, специалисты по ловле, приручению хищных птиц, которые знали их «язык».

Среди ловчих птиц беркут был самым сильным (с ним охотились на лисиц, волков и т. д.) и красивым, благодаря чему он большое место занял и в различных жанрах народной поэзии в качестве положительного образа.

Укажем на два случая применения пословицы в переносном смысле. Она применялась: а) как острая сатира на человека, который ранее занимал видное положение, а потом потерял его; б) как критика действий человека достойного поведения, который начинает совершать порочащие его поступки.

«Шам жарығы түбіне түспес» («Лампа не светит под собою»). Слово «лампа» взято нами условно в качестве обозначения всех тех осветительных приспособлений, которые употреблялись среди казахов и при которых свет, распространяющийся далеко от источника освещения, не падал на ближайшее от этого источника место. В переносном значении пословица применялась в тех случаях, когда человек, занимающий положение или хорошо материально обеспеченный, помогая другим людям, не оказывал этой помощи своим близким или друзьям.

«Қару алсаң балта ал, азық алсаң малта ал» («Если брать с собой оружие—бери топор; если брать запас съестного—бери «малту»). «Балта» (топор) в данном контексте можно понимать одновременно и как орудие защиты и как орудие производства. Вполне возможно, что преимущества топора перед некоторыми другими режущими или колющими инструментами послужили причиной того, что он введен в пословицу. Кроме того, это слово рифмуется со словом «малта», требующим специального объяснения.

В целях использования излишков молока казахи посредством кипячения превращают кислое молоко в густую массу, которая затем затвердевает и хорошо сохраняется. Эта сгустившаяся и застывшая масса, наломанная кусочками, называется «курт». Его можно грызть, употреблять с чаем вместо сахара. Но наиболее употребительно растереть курт руками в теплой воде, а полученный кислый и очень питательный сок (чаще всего в согретом виде) пить, заправив сливочным маслом. В воде от курта оставались небольшие, приобретавшие приятный вкус, кусочки, которые и назывались «малтой». Их брали в дорогу и сосали, а также пили с ними чай.

Трудно уловить в этой пословице переносный смысл. Видимо, она употреблялась только в прямом значении.

«Қазаншының еркі бар қайдан құлақ шығарса» («Котельщик где хочет, там и приделывает ушки [ручки] к котлу»). Пословица употребляется только в переносном смысле, который означает: человек, имеющий неограниченную власть, в любом деле все делает по-своему. Пословица приводится для осуждения злоупотреблений своими правами и преимуществами, для критики своеволия.

«Ұялмаған өлеңші, ерінбеген етікші» («Кто не стесняется, тот [считает себя] певцом, а кто не ленится, тот [станет] сапожником»). Первая часть пословицы с иронией отзывается о плохом певце, а вторая — о плохом сапожнике, и эта ирония переносится на все случаи, когда что-нибудь делается неумелыми исполнителями, неумелыми руками. Однако пословица иногда приводится для одобрения настойчивости человека в том смысле, что если будешь стремиться достигнуть чего-нибудь, то смелостью, трудолюбием добьешься своего.

«Керсен алдыңда, кездік қолыңда» (Блюдо с мясом [для раздачи] перед тобою, нож в твоих руках»). «Керсен»—большое деревянное блюдо, а «кездік»—большой нож. Оба предмета — продукты ремесла, распространенного среди казахов. Пословица приводилась в качестве подбадривающего совета: действуй, есть, где отличиться, или в виде упрека: кто тебе мешает, тебе же представляется случай, а ты им не можешь воспользоваться.

Страница 21

«Айрылар дос ердің артқы қасын сұрайды» («Приятель, который хочет с тобою порвать, будет просить заднюю луку твоего седла»). Седло — древнейший продукт казахского ремесла. Нам не удалось выяснить, почему так высоко ценится задняя лука седла. Пословица приводилась в тех случаях, когда надо было сказать: вы требуете того, чего я не могу сделать.

Страница 23

«Ханды құдай алайын десе, қарашысымен қас болар, байды құдай алайын десе, дәулетіне мас болар» («Когда бог прогневается на хана, то последний вступает во вражду с подданными; а когда бог прогневается на богатого, то у последнего кружится голова от своего богатства»). Пословица не только смело противопоставляет хану простой народ, но и оправдывает гнев народа против угнетателей вообще. По традиционному смыслу пословицы ясно, что под словами «кружится голова от своего богатства» имеется в виду байский произвол. Смысловая связь второй части пословицы с ее первой частью заключается в том, что подразумевается такая же кара баю за его произвол, какая предсказывается хану.

Пословица бытовала в народе как в прямом, так и иносказательном смысле

В иносказательном смысле она приводилась для осуждения любых проявлений произвола со стороны сильных.

«Ханның басын хан жұтар, қардың басын қар жұтар» («Хан поглощается ханом, снег поглощается снегом»), т. е. хана погубит другой хан, а старый снег будет унесен новым снегом. В первой части пословицы отражены непрекращавшиеся феодальные междоусобицы, приводившие к частой смене одного «правителя» другим. Пословица применялась как предостережение человеку об ожидающей его участи.

Во второй части пословицы обобщены наблюдения людей над таянием выпавшего весной снега. Обильный поток воды увлекает с собой и старый снег. На эту вторую часть пословицы делалось ударение, когда высказывались прогнозы о возможном наступлении благоприятных условий в весенний хозяйственный сезон

Страница 24

«Байғұстың аузы асқа тисе, мұрны қанайды» («Когда обездоленный человек поднесет [наконец] пищу ко рту, у него [внезапно] кровь из носа хлынет»). Пословица употреблялась только в переносном смысле. Содержание пословицы вкратце можно было бы передать примерно в следующих словах: «дело мое (твое, его и т. д.) начало было поправляться, но тут же меня постигла новая неудача»; «даже незначительной удачей не удалось воспользоваться» и т. п.

Пословица отражает тяжелое положение беднейшей части трудящихся слоев населения

Страница 25

«Молданың істегенін істеме, айтқанын істе» («Не делай того, что делает мулла, а делай то, что он велит делать»). Пословица высмеивает поведение мулл, у которых слова расходятся с делами. Она употребляется и по адресу любого человека в аналогичном случае.

«Екі молда бір кісі, бір молда жарты кісі» («Два муллы—один человек, один мулла — полчеловека»).

Пословица высмеивает неприспособленность мулл к труду вообще и к труду физическому в особенности.

Страница 27

«Көп тілегі көл деген» («Желание народа — озеро»), т. е. желание многих людей, народа, сбывается, претворяется в жизнь. Пословица призывает к коллективным усилиям в любом деле. Она приводилась также для выражения чувства удовлетворенности результатом коллективных усилий.

Слово «көл» (озеро) употребляется в смысле: «обилие», «море», «безграничность». Именно в этом смысле данное слово встречается и в следующей пословице: «Көп—әулие, көл—дария» («Народ свят [т. е. все знает], [его знания] — озеро-море»).

«Көп қорқытар, терең батырар» («Народ заставит, в большой глубине утонешь»). Воля народа сравнивается с водой большой глубины, находясь в которой, человек становится беспомощным.

«Ісің ақ болса көпке сал, жорғаң қатты болса төске сал» («Если дело твое правое, говори о нем народу; если иноходец твой сильный, пускай его по подъему»), т. е. народ не даст в обиду того, кто стоит за правое дело, выручит его. Вторая часть пословицы придает ей бо̀льшую образность, придает новый отте-

ной: когда дело твое правое, нечего робеть, бояться. Здесь есть сходство с русской пословицей «Чье правое дело, тот говори смело».

«Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» («У справедливого судьи нет родственников, а если они есть, то нет у него веры»). Слова «нет у него веры» употребляются в смысле—«нет у него совести» и всегда произносятся с осуждением. Слово «родственник» также употреблено в переносном смысле: у судьи не должно быть пристрастного отношения вообще (какое бывает по отношению к родственникам). Пословица отстаивает справедливость, равноправие.

Идее о том, что справедливость должна торжествовать, посвящена и другая пословица: *«Таста тамыр жоқ, төреде бауыр жоқ»* («Камень без корней, судья без родственников»). Здесь подчеркивается еще и то, что непоколебимость судьи в его решениях должна быть твердой как камень.

Страница 29

«Екеу болсаң бірге ойлас, біреу болсаң бөркіңе ойлас» («Если вас двое, то посоветуйтесь вдвоем, а если ты один, то посоветуйся со своей шапкой»), т. е. не принимайся за дело, не обдумав заранее своих действий, не посоветовавшись с товарищами, а если не с кем — серьезно поразмысли сам. Замечательные образные слова: «біреу болсаң бөркіңе ойлас» (если ты один, то посоветуйся со своей шапкой) придают пословице художественность и одновременно оттенок добродушного юмора.

«Бетегеден биік, жусаннан аласа бол» («Будь выше перистого ковыля и ниже полыни»), т. е. не будь гордецом, будь скромным. Сравнение моральных качеств человека с высотой трав объяснить трудно. Однако это не снижает идейно-художественной ценности пословицы. Такое значение за ней закреплено по традиции.

Скромность одобряется и в следующей пословице: *«Жемісті ағаштың басы төмен»* («У дерева с плодами верхушка книзу клонится»).

«Жаман қонақтан жарты аяқ ас қайтады» («От дурного гостя остается полчашки пищи»). Пословица имеет шуточный характер и употребляется в тех случаях, когда уговаривают гостя и вообще людей побольше поесть, скушать или выпить все, что подано.

Страница 31

«Жақсы болсаң жердей бол, баршаларды көтерген, таза болсаң судай бол, бәрін жуып кетірген» («Если ты хорош, то будь как земля, поддерживающая всех; если ты чист, то будь как вода, все очищающая»). «Будь как земля, поддерживающая всех»—имей выдержку, будь терпелив; «если ты чист» (если ты честен, благороден). Пословица употреблялась как призыв к благородным, великодушным поступкам.

Страница 32

«Ерді намыс өлтіреді, қоянды қамыс өлтіреді» («Герой умрет за свою честь, а заяц умрет от [страха, испугавшись шелеста] камыша»). В пословице героизм противопоставляется трусости. Заяц умирает от страха, услышав шелест камыша, потому что он всего боится. В казахской устной поэзии широко принято такое изображение трусости зайца. Этот образ как символ трусости вошел и в казахскую письменную литературу.

«Жомарт бергенін айтпас, ер айтқанынан қайтпас» («Щедрый не будет напоминать о том, что он дал, а мужественный человек от сказанного не отступится»). Отдельные части данной пословицы зачастую употребляются самостоятельно. Первая часть пословицы имеет переносное значение. Выражение «Щедрый не будет напоминать о том, что дал» применимо во всех случаях, ког-

да хотят сказать, что великодушный или просто хороший человек не должен напоминать о том, что он оказал другому человеку услугу, сделал ему приятное.

«Ұрыншақ атта жал жоқ, көңілшек ерде мал жоқ» («У горячей лошади нет жирового слоя под гривой, у добродушного молодца нет скота»), т. е. добродушный человек не накопит себе скота (по своей доброте отдаст другим), так же как горячая лошадь не накопит себе жирового слоя под гривой. Пословица употребляется или в смысле одобрительного сочувствия к излишне доброму человеку или в смысле предупреждения, что слабовольному придется трудно.

«Ер мойнында қыл жіп шірімес» («На шее мужественного человека веревка из конских волос не сгниет»), т. е. за молодцем долг не пропадет: он когда-нибудь обязательно отплатит добром за добро.

Страница 34

«Ата көрген оқ жонар, ене көрген тон пішер» («Сын, получивший воспитание у отца, сумеет сделать стрелу, дочь, получившая воспитание у матери, сумеет скроить платье»). Переносное значение пословицы таково, что ее мораль распространялась на всех старших, которые должны воспитывать детей (а не только на отца и мать), на всю молодежь, которая должна получать воспитание (а не только на сыновей и дочерей), и на все предметы (а не только на стрелы и платье). Пословица утверждает, что дети должны получать трудовое воспитание.

Заслуживает внимания тот факт, что в данной пословице упоминаются старинные виды труда: изготовление стрел и кройка платья (платья не вообще, а «тона» — старинного национального костюма).

Страница 35

«Абайламай сөйлеген ауырмай өледі» («Кто неосторожно слово скажет, тот скоропостижно умрет»), т. е. неосторожно сказанным словом можно поставить себя в очень неудобное положение (оно уподобляется скоропостижной смерти). Надо быть осторожным в разговоре, владеть искусством слова.

«Әзіл апат келтірер» («Шутки доводят до беды»), т. е. слова, сказанные в шутку, могут принять плохой оборот. Шутить надо осторожно и к месту.

Страница 36

«Шешеннің тілі ортақ, шебердің қолы ортақ» («Слова красноречивого — для всех, руки мастера — для всех»). Пословица обобщила в виде образа-наказа веками выработанную традицию, по которой владеющие искусством слова, так же как и владеющие определенным видом ручного ремесла, не должны отказывать в помощи другим. Пословица имеет еще и такой оттенок: люди не должны использовать свое умение пристрастно, кривить душою. Пословица приводилась во всех случаях, когда приходилось обращаться к человеку, владеющему любым видом искусства (ремесла), или рассуждать о его поступках.

«Отыз тістен шыққан сөз отыз рулы елге кетер» («Слова, вышедшие из-за тридцати зубов, доходят до тридцати родов»), т. е. слова быстро распространяются, облетая далекие аулы за короткий срок времени.

Страница 37

«Су аударған дөңбектей, жел аударған қаңбақтай» («Как глыбы, переворачиваемые водой, как перекати-поле, гонимое ветром»). Пословица исходит из того, что глыбы катятся туда, куда их увлекает вода, а перекати-поле — куда увлечет его ветер. В таком же смысле она применяется и к судьбе человека.

«Көрініп тұрған ауылдан көрінбеген бұлт жақын» («Невидимые облака [могут оказаться] ближе видимого аула»). Пословица зафиксировала наблюдения людей за тем, что иногда облака появляются на небе очень быстро, так что

можно даже не успеть дойти или доехать за это время до находящегося вблизи аула, который хорошо виден уже путнику или всаднику.

«Күйеу жүз жылдық, құда мың жылдық» («Зять — на сто лет, а сват — на тысячу лет»). Пословица гласит, что у родителей (или у родственников невесты вообще) сват (отец зятя) пользуется бо́льшим уважением, чем зять. Такая традиция установилась, видимо, потому, что сват решает судьбу связи между семьями невесты и жениха и, кроме того, хорошие отношения с ним могут поддерживаться долгое время, независимо от того, останется ли его сын зятем данной семьи.

«Құпияны қымыз шығарар» («Скрытую мысль обнаружит кумыс»). Кумыс — заквашенное кобылье молоко — считается национальным напитком казахов, так же как и некоторых других народов. Смысл пословицы сводится к подчеркиванию значения кумыса, как любимого национального напитка казахов.

«Жол ақысы жүрмек, кісі ақысы бермек» («Вышел в путь — надо ехать, получил в долг — надо отдать»). Пословица употребляется в том смысле, что отправляясь в дорогу или собравшись куда-нибудь идти, не следует задерживаться, несмотря ни на что. Вторая часть пословицы может применяться самостоятельно в собственном своем значении.

Страница 38

«Ұялған тек тұрмас». («Пристыженный не будет стоять спокойно»), т. е., пытаясь сгладить неловкое положение, в которое попал человек, он может сказать еще что-то неуместное. Пословица приводится, когда стыдят такого человека или рассуждают о его поступке.

«Құлағың естігенді көзің көрер» («Что ты слышал, то и глазами увидишь»). Пословица употребляется в тех случаях, когда выражается удивление чем-нибудь, поражающим своей неожиданностью, необычайностью, странностью, возмутительностью и т. п.

Страница 39

«Қорқақты көп қусаң батыр болады». («Если будешь долго преследовать труса, то и он становится храбрым»). Характерными случаями употребления данной пословицы можно считать следующие: а) неодобрительно, — если будут надоедать человеку, пользуясь мягкостью его характера, его забитостью или зависимостью и т. д., то в конце концов выведут его из терпения, и он станет сопротивляться; б) одобрительно, — если постоянно указывать на слабость, леность, неряшливость, непостоянство или другой порок человека, то он начнет избавляться от этого порока.

«Шешінген судан таймас» («Раздевшийся не боится воды»). Пословица употребляется исключительно в переносном смысле: в любом деле, раз решившись, не надо останавливаться ни перед чем, не надо бояться, надо идти на риск, терять уже нечего, надо сделать решительный шаг.

«Әзілдеске түс айтпа» («Тому, кто над тобой [любит] пошутить, не рассказывай своего сна»). Пословица употребляется как в прямом, так и в переносном смысле. Прямой смысл: если рассказать свой сон шутнику, то он превратит его в шутку, не скажет того, что он думает об этом сне. Переносный смысл: от того, кто над тобой любит подшучивать, можно ожидать шутки и тогда, когда требуется серьезный ответ.

«Соқыр көргенінен жазбас» («Слепой не отступится от того, что раз увидел»). Пословица приводилась в живой речи только в переносном смысле в тех слу-

чаях, когда осуждались неуместные действия человека, говорящего или делающего неизменно одно и то же.

«Аузы күйген үріп ішер» («Кто раз обжегся, тот подует, прежде чем пить»). Пословица употребляется почти в том же смысле, что и русская пословица: «Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду».

Страница 70

«Шай шынаяғы үш болар, үштен арғы үй иесіне күш болар» («Чай пьют по три чайных чашки, а если больше, то это будет трудно для хозяина»). Эта пословица зафиксирована в письменных источниках XIX в. Ее смысл таков: трудно будет хозяину угощать своих гостей чаем, если каждый из них выпьет более, чем по три чашки. Пословица характерна тем, что, показывая даже такой обычай как чаепитие она отразила жизнь неимущей части населения, имевшей ограниченные возможности оказывать широкое гостеприимство своим сородичам или гостям. Для богатых семей это не было характерно. Чаепитие из фарфоровых чашек (шыны аяқ) — явление в быту казахов, в основном связанное с распространением в степи фабричной посуды. Несомненно, что чай или заменяющие его напитки, которые также могли называться чаем, народ употреблял и раньше, но пользовался другой посудой, например, деревянными чашками. В данной пословице это не отражено.

Кроме того, в появлении такой пословицы, возможно, следует усмотреть некоторый оттенок неодобрения «обряда» чаепития, порою длившегося в течение многих часов.

«Қазақта айран көп, орыста мейрам көп» («У казахов кислого молока много, у русских праздников много»). У казахов было всего несколько праздников в году. Поэтому, соприкасаясь с русским населением, они удивлялись тому, что русские празднуют каждое воскресенье, не говоря о других периодических праздниках. На основе этого впечатления возникла данная пословица.

«Қажіге қарамай шелек те барады» («Паломничество совершит и кадка с дегтем»). В оседлых и полуоседлых районах, где регулярно применялась в хозяйстве телега, почти каждое хозяйство имело кадку с дегтем для смазывания колес, совершавшую иногда большие путешествия вместе с подводой. На этой основе возникла данная пословица, употреблявшаяся в ироническом смысле сначала по адресу тех, кто совершал паломничество (в смысле: зря, незаслуженно съездил), а потом это было перенесено на всякого человека, который недостоин был побывать там, куда ему довелось приехать, где ему удалось оказаться.

Страница 72

«Өгіздің басына туған, бызаудың басына да туады» («Что быку достанется, то и теленку»). Имеется в виду следующее: тяжелого труда быков не избежать и теленку, когда он вырастет. Пословица употреблялась в переносном смысле. Она приводилась в тех случаях, когда подчеркивалась неизбежность перенесения кем-нибудь трудностей, которые ранее перенесли предшественники данного человека (или группы людей).

Страница 73

«Сиыр су ішкенде бызау, мұз жалайды» («Когда корова воду пьет, теленок лижет лед [т. е. известная доля воды ему тоже достается]»). Пословица употребляется только в переносном значении в смысле: когда одному человеку достаётся много каких-нибудь благ, тогда и другому хоть что-нибудь да достанется.

Страница 74

«Атың шықпаса жер өрте» («Если безвестен, то подожги поле»). Пословица применяется в переносном смысле, когда осуждается попытка человека незаслуженно прославиться или его какой-либо странный поступок.

«Қалауын тапса қар жанар» («Если поджигать с умением, то и снег загорится»). Пословица употребляется в смысле: если умело попросишь, сумеешь убедить своим искусством слова, то любой человек выполнит твою просьбу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Нурушев Сабит Нурушевич

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦ

* * *

Редактор *И. Есенберлин*
Худ. редактор *И. Д. Сущих*
Тех. редактор *Г. Н. Величко*
Корректор *Н. Г. Крамской*

* * *

Сдано в набор 7/I 1957 г. Подписано к печати 15/II 1957 г.
Формат 60×92. Физ. л. 5,75. Уч.-изд. л. 6,2. Тираж 3000.
УГ00985. Цена 4 р. 50 коп.

* * *

Типография Издательства АН КазССР. Алма-Ата, ул. Шевченко, 17.
Зак. 7.

